

СИБИРИАДА

НИКОЛАЙ
САМОХИН

Настало
времячко...

Николай Яковлевич Самохин

Настало времечко...

Серия «Сибириада»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64764796

Настало времечко... : рассказы / Николай Самохин: Вече; Москва; 2021

ISBN 978-5-4484-8612-8

Аннотация

Николай Самохин (1934–1989) – замечательный русский писатель, в чьих произведениях неразделимо переплелись смешное и серьезное, лирика и сатира, социальные типы и причудливые характеры.

Про Николая Самохина говорили, что он «обладает абсолютным чувством смешного». Действительно, он, как никто, умел увидеть в обыденной жизни парадокс, емкую деталь, характерную черту. При этом никогда Самохин не стремился писать собственно «юмористику», главным критерием настоящей литературы считал правду и не позволял себе ни малейшей фальши – ни ради «красного словца», ни ради «общественной пользы».

Содержание

Место под солнцем	6
Пирог	6
Место под солнцем	15
Игра в бутылочку	22
Последняя дверь	28
Воспитательный момент	31
В тихом омуте	33
Приглашение «на иностранца»	33
Только правда	39
Знакомая личность	43
Время больших снегопадов	47
Непродающий и продающий	53
Человек в рыжем плаще	56
Блондинка на букву «Л»	59
В тихом омуте	64
Чужой ребенок	68
Условный французский сапог	75
Чужая невеста	75
Встретились Толя и Гриша...	84
Бескорыстный Гена	92
Игра в откровенность	100
Агенты-элементы	107
Унылая пора	123

Условный французский сапог	131
Ненормальный	136
Рассказ о попытке написать объективный рассказ	139
Немного выдумки	152
Три прекрасных витязя	152
Ради чего?	157
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Николай Самохин
Настало времечко...:
рассказы

Знак информационной продукции 12+

© Самохин Н.Я., наследники, 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

Место под солнцем

Пирог

Курица раздора

Все началось с того, что Лэя Борисовна купила на базаре настоящую живую курицу. До этого, говорит папа, наш дом был как дом, а после этого стал как ад. Лэя Борисовна купила курицу днем, а вечером, когда пришел ее жилец – студент консерватории Игорь, велела... рубить курице голову. Игорь побледнел, сунул папироску горящим концом в рот и сказал, что лучше съедет с квартиры.

Тогда Лэя Борисовна завернула курицу в тряпку и понесла в третью квартиру, к сердитому пенсионеру Кондратьичу.

Кондратьич был ругатель. Даже рассказывая о паровозах, на которых проработал всю жизнь, он все равно ругался. Каждый день он ходил в локомотивное депо. Возвращался обратно взъерошенный и, налетая на папу, кричал:

– А я говорю, потянет! Понимать много стали! Кишка у вас тонкая с Кондратьичем соревноваться!

Выслушав Лэю Борисовну, Кондратьич обругал Игоря

слабожильным интеллигентом, но рубить курицу не стал, сказав, что это бабье дело.

– Покажите, кто тут не слабожильные, – сказала Ляя Борисовна. – Полный дом мужчин, но я уже догадываюсь, таки придется эту несчастную птицу нести на мясокомбинат.

Кондратьич сделал вид, что у него запершило в горле, и начал громко кашлять, а Ляя Борисовна направилась к нам, во вторую квартиру. Вот тут-то все и случилось. Как раз в это время мама сказала, чтобы я слезил в погреб за картошкой. Я ответил, что сегодня Славкина очередь.

– Не валяй дурака! – сказала мама. – Ты старший и должен показывать пример брату.

Я заметил, что младшему брату, между прочим, надо прививать трудовые навыки.

Тогда мама взялась за ремень и сказала, что начнет прививать эти навыки мне самому.

Люк погреба у нас возле самых дверей. Только я успел спуститься вниз по маленькой деревянной лестнице, как над моей головой просвистела распахнутая дверь, и в следующий момент Ляя Борисовна шагнула мне на шею. Со страху я закричал не своим голосом. Ляя Борисовна закричала еще громче и выпустила курицу. Курица с кудхтаньем шарахнулась на стол, перевернула сахарницу и вылетела в открытое окно.

– Хулиганы! – кричала Ляя Борисовна. – Ловушки устраивают! Мышеловки! Это надо себе представить!

Курица так и не вернулась. На другой день мама заплатила Лэе Борисовне четыре рубля и долго извинялась. Лэя Борисовна деньги взяла, но все равно сказала, что мы со Славкой бандиты и головорезы.

«Вторично, кирпично...»

Мама потихоньку вздыхает. Папа проверяет диктанты на своем обычном месте – возле печки за книжным шкафом – и в промежутках утешает маму. Он говорит, что Лэю Борисовну нужно понять, потому что она сама себя не понимает. И не на нас она сердится, говорит папа, а на погреб. А если смотреть глубже погреба, то на тесноту и неудобство. Папа, может, и прав, но нам от этого не легче. Каким-то образом все узнали про «мышеловки» и «ловушки», и жить стало скучно. Вчера Славка поймал кошку нашей четвертой соседки Елизаветы Степановны и запряг ее в свой грузовик. Елизавета Степановна дома бывает редко, потому что она медсестра и целыми сутками дежурит в больнице. На этот раз у нее был пересменок, она поймала Славку и нарвала ему уши. За кошку Славке влетало и раньше, но было не так обидно. На этот раз Елизавета Степановна, больно дергая за ухо, приговаривала: «Вот тебе, мучитель! Вот! У-у-у, хулиганское отродье!»

А у Кондратьича обвалилась печка. Он пошел к домоуправу просить кирпичей, но, видно, тот отказал ему, пото-

му что вернулся Кондратьич расстроенный и принес в кармане пол-литра. Мы с папой в это время строили во дворе конуру для Рекса. Кондратьич выпил свою поллитровку, снова вышел из дому и, повернувшись к сараю, сердито закричал:

– Собак развели! Мышеловок понастроили! Жизни нет! Интеллигенты слабожильные!

Папа объяснил Кондратьичу, что он неправильно кричит. Неправильно потому, что на самом деле сердится не на нас, а на свою печку и домоуправа. А если смотреть глубже, то вообще на материальное неблагоустройство. И еще папа сказал, что все это у Кондратьича от несознательности, так как сознание вторично после материи.

– Вторично! Первично! Кирпично! Много понимать стали! – прокричал Кондратьич, плюнул и ушел к себе.

Нас будут сселять

Однажды утром в наш двор заехал огромный экскаватор. Он разворотил поленницу Кондратьичевых дров, вырыл длинную, как плавательный бассейн, яму, засыпал георгины Елизаветы Степановны и ушел.

Потом приехали две машины с кирпичом. Вокруг машин бегал какой-то человек в плаще, громко ругался и размахивал руками. Человек сказал, что всех нас будут сселять, и прибил на ворота железную табличку, на которой было написано краской: «Срочно! Требуется каменщики, плотники,

жестянки и сторож».

После машин пришли рабочие и установили прожектор, чтобы строить даже ночью. Рабочие покуривали с Кондратьичем махорки, ушли и больше не появлялись.

...Яма во дворе постепенно зарастала травой. Кое-где по краям ее начала пробиваться почему-то даже картошка, хотя ее никто не сажал. Прожектор светил, светил и лопнул. Кондратьич сказал: «Перекалился». Папа куда-то обращался, и там ему сказали, что дом не строится потому, что нас не снесли, а нас не сносят потому, что не готов другой дом, в который нас снесут.

Пока мы ждали, наступила зима, и яму совсем замело снегом. Прожектор куда-то унесли двое электриков, а табличку «Требуются» оторвали мальчишки.

Постепенно все начали забывать и про курицу Лэи Борисовны. Наверное, наш дом снова стал бы как дом, если бы не случилось еще одно происшествие. Однажды вечером к нам вбежал Кондратьич и, выпучив глаза, закричал:

– Горим! Так вашу перетак!

Мы с папой выскочили в коридор. Из-под двери Лэи Борисовны медленно выползал густой белый дым. Кондратьич разбежался и, сказав «ы-ы-х!», ударил плечом в дверь. Дверь не поддавалась. Тогда разбежался папа, тоже крикнул «ы-ы-х!» и тоже ударил. После этого папа схватился за сердце и сказал, что нужно вызвать пожарных. За пожарными побежала Елизавета Степановна, а Кондратьич взял топор, обо-

шел дом вокруг и высадил у Лэи Борисовны раму. Потом они вместе с папой перелезли через подоконник в комнату, долго перекликались там и кашляли. Раза два Кондратьич выглядывал наружу подышать. Из усов у него шел дым.

Когда наконец приехали пожарные, все было закончено. Оказывается, пожара вовсе и не было. Просто Лэя Борисовна затопила печку и второпях забыла открыть трубу.

На другой день Лэя Борисовна пришла к нам с какой-то бумагой и сказала, что подает на Кондратьича в суд за разбой, а мы все должны подписаться как свидетели. Папа стал объяснять ей, что Кондратьич вовсе не виноват, а виновата печка Лэи Борисовны и если уж вникать глубже – то ее собственная неосмотрительность.

– Вы все тут одна шайка-лейка! – запальчиво сказала Лэя Борисовна. Еще она сказала, что все мы получим по пятнадцать суток, а кое-кто и побольше.

Но мы так и не получили по пятнадцать суток, потому что скоро вышло распоряжение сносить дом.

Свержение шифоньера

Первым уезжал Кондратьич. Папа сказал, что надо бы помочь ему грузить вещи. Мы вышли во двор. Посреди двора стояло грузовое такси. Кондратьич старался затолкать в кузов большой, мрачный, как гроб, шифоньер, со старинной оградкой поверху.

– Квартиру новую дали! – свирепо закричал он, увидев нас. – Пропади она пропадом! С ванной! Чтоб ей ни дна ни крыши!

Шифоньер скрипел, потрескивал, упирался и никак не хотел влезать. Рядом стоял молодой шофер, курил и презрительно сплевывал в снег.

– Папа, – сказал я. – А ведь Кондратьич сердится не на квартиру, а на свой шифоньер. И если смотреть глубже – то на пережитки, – ведь шифоньер ему в новой квартире не понадобится.

Папа заморгал, открыл рот и удивленно посмотрел на меня.

– Ты вот что, – сказал он наконец, – не умничай. Понимать много начал.

В это время что-то громко треснуло, у шифоньера отвалилась дверца, и на снег выкатилось несколько узлов.

– Гори оно все синим огнем! – закричал Кондратьич и пнул ногой шифоньер с оградкой. Потом, воодушевившись, он выбросил из кузова фикус и какую-то картину, на которой был изображен не то слон, не то чайник. Кондратьич бросал и приговаривал:

– К чертовой матери! К чертовой матери!..

Со всеми удобствами

На другой день переезжали все остальные. В новой квар-

тире нам достались две комнаты, а в третьей поселилась Елизавета Степановна. Лэя Борисовна и Кондратьич заняли соседнюю квартиру. Мы разместили всю мебель, и еще осталось много свободного пространства. Мама вдруг сделалась очень задумчивой и все ходила, ходила по комнатам, словно что-то потеряла. Славка забрался в ванную, открыл все краны и запустил свой пароход. Папа сел на диван и развернул газету. Ему попалась заметка о нашем доме, и папа прочитал ее вслух.

– Видали! – кричал он. – «В новом доме есть лифт»! А вы говорили!

Мы ничего не говорили. Мы со Славкой даже два раза прокатились на этом самом лифте. Но одно дело – кататься, и совсем другое – читать об этом в газете, и папа продолжал выкрикивать:

– Ого! Дом снабжен мусоропроводом!

Мама вздохнула. Полчаса назад мы выбросили в мусоропровод яичную скорлупу.

И вдруг к нам вошла Лэя Борисовна. Вошла и попросила ложку соли.

– Чего же ложку! – радостно сказала мама. – Вот, берите! – и дала Лэе Борисовне целую пачку.

Лэя Борисовна села на табуретку посреди комнаты и вдруг... заплакала.

– Всю жизнь я топила печку, – всхлипывая, говорила она, – и когда носила Шелю, и когда Шеля родилась, и когда

Исака забрали на фронт, и когда он не вернулся оттуда. Я все топила и топила. И колола дрова, и носила воду... А теперь у меня паровое отопление, у меня, можете себе представить, ванна и горячая вода...

Когда Лэя Борисовна дошла до мусоропровода, открылась дверь и появился Кондратьич в калошах на босу ногу. Кондратьич не стал здороваться, но и не закричал. Он потоптался на месте, покашлял и сказал:

– Старуха пирог соображает... На новоселье просим.

Лэя Борисовна перестала плакать и закричала на Кондратьича:

– Что соображает? Представляю себе, какой пирог может соображать ваша старуха! Пирог должна печь Елизавета Степановна. Это будет пирог так пирог! И пусть возьмет мою чудо-печку.

Потом Лэя Борисовна сказала, что мама должна делать пельмени, а рыбу она берет на себя.

И тогда Кондратьич закричал:

– Вот баба! Генерал!

Он подмигнул папе и сказал, что надо бы сбегать в «Гастроном», раз такое дело. Папа подмигнул мне, я подмигнул Славке. Славка тоже подмигнул и поманил меня пальцем. Я вошел вслед за ним в ванную комнату.

Из всех кранов с журчаньем выбегала вода. В полной до краев ванне плавал эмалированный таз, а в тазу сидела черная кошка Елизаветы Степановны...

Место под солнцем

О пользе обычаев и традиций

Леня уезжал далеко и навсегда. Провожать его, не считая меня, мамы и папы, пришли бабушка Паля, школьные друзья – Эдик и Додик, дядя Павел Константинович, еще один дядя – просто Павел, тетя Маруся – жена дяди Павла (не Константиновича) и двоюродная сестренка Леночка.

Папа сбегал на перекресток и поймал такси – большой черный «ЗИМ».

Шофер куда-то торопился – он не мог долго ждать.

– Ничего, потерпит, – важно сказал дядя Павел Константинович (он был начальник над очень многими шоферами).

Кто-то напомнил, что перед дорогой надо бы минутку посидеть. Когда все расселись, оказалось, что не хватает стула бабушке Пале. Додик встал и вежливо предложил бабушке свое место. Теперь на ногах оказался Додик. Его устроили было на чемодане, но чемодан неожиданно открылся и из него вывалилась курица.

Леня усадил Додика на свой стул. Тогда получилось, что стоит уже сам Леня. Пришлось посадить его на электроплитку. Плитку накрыли газетой.

Когда наконец все расселись, машина негромко фыркнула

и укатила...

Дядя заругался и спросил папу, не запомнил ли он номер «этого головореза». Папа номер не запомнил. Он вообще ничего не хотел помнить, потому что до отхода поезда осталось восемь минут. Тогда вмешалась мама. Она сказала: ну и слава богу, что так получилось, и незачем пробовать еще раз. Вот только жаль билет, а так Леня с тройками по физике и математике в институт все равно не попадет – она всегда это говорила.

– Надо попытаться устроиться здесь, – сказала мама.

Дядина программа

После этого все сели за стол и стали обсуждать, что делать с Леней. Дядя Павел Константинович выпил рюмку водки и начал разъяснять свою программу. Дядя сказал, что каждый человек ищет свое место под солнцем. Потом он поделил всех людей на три группы. Первая – это дураки, которым все задаром плывет в руки, вторая – удачливые нахалы. Они мимоходом срывают цветы удовольствия. И третья – трудяги, которые всего добиваются своим горбом.

– Я лично добивался горбом, – заявил дядя Павел Константинович и похлопал себя по шее.

Потом он сказал, что Лене вовсе необязательно так добиваться – не для того дядя с папой завоевали светлую жизнь.

Тогда другой дядя – дядя Павел, который все время мол-

чал, напомнил, что дядя Павел Константинович забыл еще одну группу – тех, кто въезжает в светлую жизнь на чужом горбу.

– Хо-хо! – сказал дядя Павел Константинович. – Посмотрите, какие мы передовые!

– Хорошо бы устроить Лешеньку куда-нибудь на научную работу, – вздохнула мама.

Леня усмехнулся и спросил: может, ему поступить в оперные певцы? Папа сердито сказал, что лучше всего будет, если Леня запишется в остряки-самоучки, для этого вполне достаточно тройки по физике.

Дядя Павел Константинович стукнул ладонью по столу и сказал: так и быть – он даст Лене письмо к одному верному человеку.

За светлой жизнью

На другой день Леня надел новый костюм, положил в боковой карман дядино письмо и сказал:

– Пошли, Женька, за светлой жизнью.

Еще он сказал, что рогатку можно с собой не брать, мы будем завоевывать ее бескровными методами.

И мы пошли. Через Красноармейский сквер, мимо павильона «Пиво – воды», кино «Маяк» и старого гастронома. Возле кондитерского магазина стояла плотная толпа людей. В центре, прямо на тротуаре, лежал красномордый мальчиш-

ка и дрыгал ногами.

– Хочу зефир! – орал он басом. – Халвы хочу!

– Вставай, мучитель! – тянула его за руку мать.

Люди, которые стояли кругом, говорили, что вот сейчас они позовут милиционера или вот сдадут мальчишку старику с мешком, тогда он узнает, как не слушаться маму.

А какой-то высокий дядька в сером костюме и в ботинках на толстой подошве сказал:

– Дать ему «леща», стервецу, и вся процедура!

Мать послушалась и стукнула мальчишку по затылку.

Тогда дяденька сделал испуганные глаза и закричал:

– По голове! По голове не бейте!

И повернувшись к толпе, он объявил, что детей по голове бить нельзя – от этого у них мозги разжижаются.

– Друг детей! – объяснил Леня. – Аналитически подходит к вопросу преступления и наказания.

Дядька сел в машину и уехал, а мы с Леной пошли дальше. На перекрестке улиц мы съели по эскимо, потом постояли у витрин краеведческого музея и наконец пришли к большому розовому зданию. Леня показал вахтеру дядино письмо, и тот пропустил нас наверх. На третьем этаже мы нашли дверь с надписью: «Управляющий». Леня приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Я пригнулся и тоже заглянул из-под Лениной руки.

В комнате за большим столом, с кровать величиной, сидел тот самый дядька, которого мы встретили возле конди-

терского магазина. Он разговаривал с кем-то по телефону.
– Что?! – сердито кричал в трубку «верный человек». – Говорит, что своя голова на плечах? Дать ему разок по этой голове, чтобы мозги просветлели!..

Леня прикрыл дверь и скучным голосом сказал:

– Пойдем, Женька, я тебя лучше в кино свожу...

Тунеяд с нюансами

Вечером пришел папа и спросил, как дела. Леня ответил, что никак.

– Евгений, выйди! – сказал мне папа.

Я вышел, потопал ботинками сначала громко, а потом потише и остался возле дверей. Леня что-то объяснял папе тихим голосом, я не расслышал. А потом папа закричал:

– Настроение, впечатление, внешность! Какая чушь!.. Пожалуйста, можешь идти кайлить землю!

На второй и на третий день Леня снова куда-то ходил. Перед этим папа долго кому-то звонил по телефону. Наверное, дела у Лени опять были никак, потому что, когда я порвал на турнике новые брюки, мама сказала, что мы с Леной загоним ее в могилу. Это потому, объяснила она, что я расту таким же оболтусом и нигилистом, как мой братец.

...Эдик и Додик уехали поступать в институт, а Леня все ходит и ходит. К нам приезжал дядя Павел Константинович. Он накричал на Леню и сказал, что со своими тонкими из-

вилинами души и всякими там нюансами он в конце концов сделается тунейдцем.

Кто-то, наверное, услышал дядины слова, и теперь, когда Леня возвращается домой в своем новом костюме, ребята с нашего двора кричат ему:

– Эй, тунейд с нюансами!

Леня говорит, что к его воспитанию подключились широкие массы октябрят и дошкольников.

Не в тридесятom царстве

Против наших окон строится большой дом. В этом доме нам должны дать новую квартиру. Папа очень недоволен строителями. Он говорит, что если бы, конечно, ему дали волю, то он пооторвал бы им руки и ноги, а некоторых даже посадил бы в тюрьму. А по-моему, дом строят вовсе не медленно. Но папа говорит, что я маленький и ничего не понимаю.

Вчера по двору проходил какой-то парень. Мой футбол подкатился к нему, и парень запнул его на самый верх нового дома. Одного меня искать футбол мама не отпустила. Поэтому, объяснила она, что я все равно вывалюсь в окно или распорю себе живот о гвоздь.

– Пойдешь с Леней, – сказала мама.

И мы пошли с Леней. Мы забрались на четвертый этаж. Выше уже ничего не было. Футбола тоже нигде не было. Зато

здесь, на ровных, белых от солнца плитах, расставив ноги, стоял пожилой, загорелый рабочий. У него были совсем седые волосы. Они горели под солнцем. Рабочий махал рукавицей и кричал кому-то на кране:

– Эй ты, майнуй! Где у тебя глаза, черт?!

Кран поднес большой четырехугольный кусок стены с оконной рамой. Рабочий ловко подтолкнул ее ломом раз, второй, и она сама встала куда следует. После этого рабочий бросил рукавицы и закурил. Тут он заметил нас и крикнул:

– Эй, а вы чего здесь ищите?

Я хотел объяснить, что мы потеряли футбол, но не успел. Леня ответил раньше. Он сказал, что мы ищем место под солнцем. Рабочий засмеялся и спросил:

– Ну и как, нашли?

Леня ответил, что пока нет, и сам спросил:

– А вы?

– Я, брат, еще двадцать лет назад нашел, – сказал рабочий, – ближе меня к солнцу только Бог да вон – крановщик.

Мы посмотрели еще, как он устанавливал второй кусок стены. Леня вдруг усмехнулся и пробормотал:

– Вот ведь как. И совсем не в тридесятom царстве.

А потом он сильно хлопнул меня по плечу и сказал:

– Пошли-ка, старик, в кино. Что-то мне сегодня домой не хочется.

По правде говоря, мне тоже не хотелось домой, и я сказал:

– Пошли.

Игра в бутылочку

Мы с Петькой были влюблены в Люську Медынскую. То есть, вообще-то, все остальные ребята тоже были влюблены в Люську Медынскую, но мы с Петькой первыми сказали, что влюблены, – и все остальные не считались.

Люська про это, конечно, знала. Но в то же время как бы и не знала. Ей сразу же передали, что мы влюблены, но сами-то мы пока ничего не говорили. Потому что не решили еще, как нам быть в таком положении.

А пока мы решали – не решали, подошел Петькин день рождения. Петька пригласил меня как лучшего друга и Люську Медынскую. А Люська пришла с подружкой – с Вострухиной. Эту рыжую обезьяну Вострухину она везде за собой водила, как адъютанта. Непонятно, почему Люся выбрала в подруги такую кикимору. Может, для того чтобы самой выглядеть рядом с ней еще красивее. Девчонки иногда специально так делают.

Вострухина пришла и сразу начала хозяйничать как у себя дома: пирожные из холодильника таскать на стол, кресла двигать, пластинки заводить.

Петькина мать сказала:

– Ах, какая энергичная девочка! Теперь я вижу, что вы тут без меня не пропадете.

И ушла на дежурство.

А Люся сидела на стуле с таким гордым и неприступным видом, словно это она именинница, а мы все должны вокруг нее плясать.

Вострухина и правда взялась плясать. Поставила какую-то балдежную пластинку, объявила, что сама она королева твиста, и начала прыгать посреди комнаты, хриплым голосом выкрикивая разные английские слова.

Петька зазвал меня на кухню и сказал, а не попробовать ли мне влюбиться в Вострухину.

– С какой это радости? – спросил я.

– Ну... – сказал Петька. – Ведь мой же день рождения, и я Люську пригласил.

– Какой ты ловкий! – сказал я. – А через неделю у меня день рождения, я ее приглашу, а она Вострухину притащит... Тогда что, перевлюбляться будем?

А Вострухина упарилась со своим твистом, брякнулась на диван и кричит:

– Давайте в бутылочку играть!

– В какую бутылочку? – спросила Люся.

– Это такая штука... с поцелуями, – деревянным голосом объяснил Петька.

А у меня даже ладони вспотели, когда я сообразил, что если Люся согласится играть, то мы сегодня будем с ней целоваться.

– Фи! – сказала Люся презрительно. – Ну давайте... Только я, наверное, не стану целоваться.

Петька крутнул бутылку. Бутылка помелькала и остановилась горлышком в сторону Люси. Петька вытер руки о штаны и пошел к ней целоваться. Но Люся отвернула лицо в сторону и загородилась плечом.

– Ну ты че, Люсь, – сказал Петька, переминаясь. – Ведь не по правилам...

Вострухина помалкивала. Только пялила свои кошачьи глаза – что, мол, дальше-то будет? И я молчал. Не в моих интересах было уговаривать Люсю.

Игра заклинивалась...

– Ладно, Петька, – сказала Вострухина. – Можешь меня поцеловать вместо нее. – И подставила Петьке свою веснушчатую физиономию. Каждая веснушка – по гривеннику.

Петька, видать, до того обалдел, что поцеловал Вострухину. А Люся, поскольку все же на нее выпало, крутнула бутылку. Горлышко показало в мою сторону. Я от волнения подтянул живот, набрал полную грудь воздуха – так что глаза заслезились, и замер. Но Люська стала смотреть в окно с таким выражением, будто все это ее не касалось.

– Ну че вы тянете?! – заторопила нас Вострухина.

– Так... не мне же, – сказал я. – Она же... должна...

– Ох, господи! – вздохнула Вострухина. – Ну давай я тебя поцелую.

И Вострухина меня поцеловала.

А я крутнул бутылку.

Бутылка начала останавливаться против Люси, но та под-

толкнула ее туфлей в сторону Вострухиной. Я хотел было возмутиться, но Вострухина сказала:

– Да ладно уж. Все равно ведь она не станет.

В общем, я поцеловал Вострухину. А Люська крутнула бутылку. Горлышко выбрало Петьку.

– Вострухина! – злорадно сказал я. – Вперед!

Вострухина быстро поцеловала Петьку, а он запустил бутылку. Горлышко показало на меня. Но я показал Петьке кулак:

– Только попробуй сунься!

– Ладно уж, Гена, – сказала Вострухина. – Давай я тебя поцелую.

Короче говоря, нацеловались мы с этой Вострухиной до офонарения.

А на другой день она раззвонила по всей школе, что мы с Петькой в нее влюблены. Дескать, вчера играли в бутылочку, выпадало все время на Люську, а мы только с ней целовались.

Мы подкараулили Вострухину после уроков.

– Вострухина! – сказали мы. – Ты че треплешься?

Вострухина сделала круглые глаза и, прямо как графиня какая-нибудь, поинтересовалась, что это мы имеем в виду.

– Ну, что мы с тобой целовались, – сказал Петька.

– А вы не целовались, да? – нахально спросила Вострухина.

– Так это в каком смысле... Это чтобы игру не испортить.

– А я вас заставляла, да? – спросила Вострухина.

Вот елки!.. Ну, была бы маленькая – надавали бы, и весь разговор. А то стоит – дылда рыжая, ресницами хлопает.

– Ты, Вострухина, душой-то не прикидывайся! – сказали мы.

Тут Вострухина обиделась:

– Сами вы дураки! Может, я вас выручала. Чтобы вы перед Люськой зря не толклись, как два обормота. Может, мне вас жалко было.

Петька задумался.

– Интересно!.. Значит, ты, Вострухина, с нами из жалости целовалась? Только из одной жалости?

Вострухина изобразила что-то неопределенное: одновременно ковырнула ботинком асфальт, вздернула брови и повела плечом.

– А с кем же ты не только из жалости? – приставал Петька.

Вострухина выставила подбородок и отрезала:

– Да уж не с тобой!

– Ах, вот как! – гордо сказал Петька. – Ну, я пошел. Гуд бай. Желаю всего хорошего. И счастья в личной жизни.

И он ушел. А мы остались.

– Как же это все-таки, Вострухина? – помолчав, спросил я. – Выходит, ты с Петькой не хотела целоваться, а сама целовалась. Не очень-то, знаешь, получается...

– А ты! – сказала Вострухина. – Ты!.. – Развернулась так, что косы просвистели, и пошла.

– Вострухина! – закричал я. – Ну че ты психуешь, честное

слово!.. Уж нельзя сказать... Погоди, нам же в одну сторону!.. Давай портфель – понесу.

Последняя дверь

Когда уж очень сильно захотелось есть и ноги от холода покрылись мелкими пупырышками, Мотька забился в угол между домом и оградой и тихо, чтобы никто не слышал, заплакал.

– Эгей! – раздалось вдруг над его головой. – Ты чего рвешь, цветок жизни?

Мотька отнял кулаки от глаз и прямо перед собой увидел синие лыжные штаны. Потом он обнаружил над штанами клетчатую рубаху и, подняв глаза еще выше, – лохматую рыжую голову в старой соломенной шляпе. Голова покачивалась из стороны в сторону и смешно подмигивала круглым зеленым глазом.

– У-у-у... – снова затянул Мотька.

– Эй, брось, – сказал рыжий дядька и, присев возле Мотьки на корточки, взял его за плечи. – Говори, в чем дело?

– Квю-юч потевяв! – громче заплакал Мотька.

Дядька свистнул и убежденно сказал:

– Зря.

Мотька, почувствовав, что его жалеют, заревел совсем громко.

– Что ж мне с тобой делать, а? – спросил дядька, прислоняясь к ограде и ловко бросая в рот папироску. – Завязал ведь я.

Он покурил маленько, потом взял Мотьку за руку и сказал:

– Ну, пошли. Показывай.

Они поднялись на четвертый этаж.

– Где мать-то? – по дороге спрашивал дядька.

– На ваботе.

– Угу... а отец?

– Отец нас бвосил, – заученно ответил Мотька.

– Ха! Это кто же тебе сказал?

– Тетя Квава.

– Голову надо оторвать твоей тете Клаве! – сердито сказал дядька. – Ну, про это ты ей лучше не говори. Ладно?

На площадке дядька опустил перед дверью на одно колено, достал из кармана какую-то блестящую штучку и осторожно поковырял ею в замке. Что-то тихо щелкнуло, и дверь открылась.

– Ну, входи, – сказал дядька, распрямляясь.

Когда Мотька переступил порог, он тихо окликнул его:

– Эй, а ты не боишься один-то?

– А кого? – обернулся Мотька.

– Ну... жуликов, например?..

– Каких жу-ви-ков? – спросил Мотька, старательно выговаривая незнакомое слово.

– М-да... – протянул дядька, сдвигая на затылок шляпу. – Ну, иди. Иди-иди. Дверь закрой!

Мотька не видел, как дядька сбежал по лестнице, не ви-

дел, как, остановившись в подъезде, он бросил в мусорный ящик свою блестящую штучку.

Мотька прошел через всю комнату и обеими руками толкнул дверь на балкон. Он просунул нос между металлическими балконными прутьями и посмотрел вниз. Рыжий дядька, ставший теперь очень коротеньким, решительно размахивая руками пересекал улицу...

Воспитательный момент

Вовка неохотно ел борщ. Мама сказала:

– Если он не будет есть борщ, то никогда не вырастет.

Правда ведь, папочка?

– Разумеется! – живо откликнулся папа и незаметно подмигнул маме. – Один мой сотрудник тоже в детстве не ел борща и остался маленьким. Все дяди как дяди, а он – с нашего Вовку.

Вовка разинул рот и опустил ложку в тарелку.

– Да-а! – продолжал папа. – Сам маленький-маленький, портфель кое-как поднимает, а борода – до колен.

– А он разве не бреется? – спросил Вовка.

– Бреется! – радостно ответил папа. – Четыре раза в день. А она все равно растет.

Мама покачала головой, забрала тарелки, две пустых и Вовкину полную, и положила всем каши.

– Между прочим, – заметил папа, – кашу он тоже не ел. Ни пшеничную, ни рисовую, ни гречневую. В общем, достукался. Теперь собственная дочка его на работу возит... в детской коляске. Потеха!

Вовка во все глаза смотрел на папу, каша из ложки капала ему на колени. Папа крутнул головой и, давась от смеха, сказал:

– Перед праздником всем в тресте премии выдавали. Ко-

му деньгами, кому фотоаппарат, кому ружье... А ему – куклу-неваляшку! Умора, честное слово!

Мама вздохнула и поставила перед ним стакан с компотом.

– Кстати, – сказал папа, и глаза его азартно заблестели, – компот он не любил тоже. Одни ягодки вылавливал. Теперь кается, да поздно. Недавно его кондуктор в троллейбусе так за уши оттрепала – любо-дорого! У кого, говорит, ты, паршивец, проездной билет слямзил? Да еще фотокарточку свою прилепил! Хе-хе-хе! Да-а! Но вот что хорошо – курить он так и не научился... Соску сосет! Сидит в кабинете и посаживает!..

Вовка замлел от восторга и перевернул на скатерть стакан с компотом.

– Ну вот, – сердито прошептала мама. – Довоспитывался! С тобой только свяжись!

– Ты что, не веришь? – обиженно закричал папа. – Чего ты мне подмигиваешь! Я говорю – сосет!..

В тихом омуте

Приглашение «на иностранца»

Мишу Побойника я встретил на второй день после возвращения.

– Привет, иностранец! – обрадовался Побойник. – Сень-кю вери матч! Хорош ты гусь – заявился и в кусты! А кто будет впечатлениями делиться, а? Пушкин?

– Да какие там впечатления, – попробовал отговориться я. – Всего месяц и покрутился-то за границей...

– Ты это брось, старик, – сказал Мишка. – Был в Европе? Был. И все. Имей в виду, я с тебя не слезу, пока обо всем не расскажешь. Лучше говори, когда придешь. Давай сегодня.

– Сегодня не могу, – замотал головой я. – Сегодня мы у тещи.

– Тогда завтра, – предложил Миша. – Завтра у нас пель-мешки сибирские. Ты, поди, уж забыл, с чем их едят.

Я вынул записную книжку, полистал и вздохнул:

– Не выйдет завтра.

– Стыдись! – возмутился Миша, отнимая у меня книжку. – Забюрократился там, в Европах! К друзьям по расписанию ходишь...

В общем, мы сторговались на послезавтра.

– Черт с тобой! – сказал Миша. – Перенесу пельмешки!

На другой день Миша позвонил мне по телефону.

– Ну, старик! – оживленно закричал он. – Все на мази.

Придут Левандовский с женой и дядя Браля. Помнишь дядю Бралю? Да знаешь ты его – он еще шапку мне переделывал.

– Дядя Браля, дядя Браля... – забормотал я. – А-а-а! Ну как же!.. Дядя Браля...

– Ты знаешь дядю Бралю? – повесив трубку, спросил я у жены. – Он переделывал Мишке шапку.

– Представления не имею, – недоуменно пожала плечами жена.

Вечером Миша позвонил снова.

– Рассказал про тебя шефу, – захлебываясь от возбуждения, доложил он. – Веришь, нет – аж затрясся человек. Без меня, говорит, не начинайте. Чувствуешь, как цена на тебя растет? Смотри, не подкачай. Приготовься вечером поработать.

Я забеспокоился.

Разложил на столе проспекты, путеводители, открытки – решил кое-что освежить в памяти. Повторил про себя несколько габровских анекдотов – вернуть к слову.

– Ты им про Тырново расскажи, – посоветовала жена. – Как мы с бразильским ансамблем встречались.

– Вот спасибо! – обрадовался я. – Совсем из головы выскочило. А может, еще про комбинат «Плиска»? Дегустация и все такое.

– Про дегустацию, пожалуй, не стоит, – выразила сомнение жена. – Освети лучше жилищное строительство. Этот Мишин начальник – он ведь с чем-то таким связан.

– Да-да, – согласился я. – Конечно, про жилищное строительство. Как это я раньше не подумал!

Короче, шли мы к Побойнику основательно подготовленными.

– Витоша, на здраве, кибирит, – бормотал я, сжимая в кармане тезисы. – Рильский монастырь, Провадия, ракия гроздова, ракия сливова...

Миша преподнес меня гостям торжественно, как бутылку шампанского.

– Вот! – произнес он, бомбардируя окружающее пространство квантами жизнерадостности. – Вот наш иностранец! Прошу любить и жаловать!

– Бдымов, – сказал Мишин начальник, пожимая мне руку. Дядя Браля вместо приветствия пошевелил складками на затылке – он был занят телевизором.

Миша решительно согнал всех к столу и обратился ко мне:

– Ну, старик, сразу начнешь делиться или сначала закусим?

– Э-э-э, – начал было я и нечаянно взглянул на дядю Бралю.

Дядя Браля весь набряк от нетерпения. Желудочные соки его, клокоча, подступали к красной черте. Опасаясь, что он

взорвется, я сказал:

– Давайте закусим.

– Со знакомством, – торопливо прохрипел дядя Браля, опрокинул рюмку и припал к винегрету.

– Ну, давай, теперь выкладывай.

«У любви, как у пташки, крылья!..» – надсаживался телевизор.

– Не помешает? – крикнул Миша. – А то, может, прикрутим?

– М-м-м... – Я украдкой огляделся.

Волосатое ухо подобревшего дяди Брали сторожко пасло телевизор.

– Ничего, – сказал я. – Обойдемся.

– Значит, поездил? – спросил Миша. – Понасмотрелся. Ну, и как там... погода?

– Погода там нельзя сказать, чтобы... – начал я.

– А здесь – просто удивительно, что творилось, – сказал Миша. – Ну, Крым и Крым.

– До половины октября в пиджаках ходили, – поддержал его Бдымов.

– Точно. До половины, – сказал Миша. – Восемнадцать градусов в тени. Думали уж, совсем зимы не будет.

– Я в Гагры собирался, – наклонился ко мне Бдымов. – И вдруг по радио слышу – в Гаграх похолодание. В Гаграх! Представляете? Вот вам игра природы! Фантастика!

– Выходит, погода там ерундовая, – подвел итог Миша. –

Зато фруктов, наверное, поели?

– Да уж фруктов, само собой, – восторженно воскликнул я. – Уж фруктов...

– А нас здесь виноградом завалили, – сказал Миша, взглядом приглашая окружающих подтвердить. – Просто наводнение виноградное. Ходили по нему, можно сказать.

– Я в Гагры собрался, – толкнул меня в бок Бдымов. – Думаю: леший с ним, с похолоданием, – хоть на фрукты попаду. Когда гляжу – а здесь и виноград, и груши...

– Во груши! – показал Миша, сложив вместе два десятикилограммовых кулака. – Рубль двадцать за кило. А виноград – пятьдесят копеек.

– Двадцать пять, – сказала Мишина жена.

– По двадцать пять не было, – возразил Миша.

– Вот не люблю, когда не знаешь, а суешься спорить, – взвинулась Мишина жена. – Если я сама покупала. Возле рыбного магазина. Можем сейчас пойти к рыбному и спросить. Там продавщица – свидетельница.

В это время пришли Левандовские. Левандовский долго снимал в коридоре боты «прощай, молодость», и было слышно, как жена шипит на него:

– Ты можешь хотя бы за стенку держаться, горе луковое? Наконец Левандовский снял боты и вошел.

– Ну, Степа, – сказал он мне, – давай все сначала.

– погоди! – решительно остановил Левандовского Миша. – Лучше скажи – почему осенью виноград брал?

– Нашли у кого спрашивать! – презрительно фыркнула Левандовская. – Он не знает даже, почему хлеб кушает.

– Верно, – согласился Левандовский, обезоруживающе улыбаясь. – Я не знаю, почему кушаю хлеб.

– Вот почему водку жрет – это он знает!

– Ага, – сказал Левандовский и поднял на жену влюбленные глаза.

Дядя Браля, видимо, желая переменить тему, вдруг подмигнул мне и запел:

– Летят у-utki

И-и два гу-уся!..

Через полчаса мы уходили. Миша Побойник, помогая нам одеваться, говорил:

– Спасибо, старик! Спасибо, что свиньей не оказался, – пришел, порассказывал! Завидую тебе, конечно, старик. Молодец ты! Просто молодец!

Бдымов, приобняв меня за плечи, сказал:

– Теперь будем друзьями! Будем знакомыми. Не обижай нас. Меня лично. Рад буду. В любое время.

А дядя Браля искренне даванул мне руку.

Только правда

Сразу за Туапсе открылось море, и все прилипли к окнам.

– М-да, – общительно сказал толстый дядька из соседнего купе. – Рай! Не то что у нас в Сибири...

– А что у нас в Сибири? – ревниво приподняла брови Милка.

– Известно что, – сказал дядька. – Холод, глушь, тайга дремучая.

Пассажиры залюбопытствовали, окружили сибиряка кольцом.

– М-да, – продолжал дядька, легко овладевая вниманием. – Пойдешь к приятелю рюмочку выпить – держись за веревку. А то унесет к едрене-фене – милиция не разыщет.

– И милиция тоже есть? – изумилась одна из слушательниц.

– Да это я так, – махнул рукой дядька – К слову. Какая там милиция. Закон – тайга, медведь – прокурор.

Милка выскочила в тамбур и плюнула.

– Так рождаются дурацкие басни! – сердито сказал я.

Мы тут же поклялись всем рассказывать про Сибирь только правду. И уличать бессовестных вралей.

В первый же день на пляже я решительно прервал сивоусого колхозника, нахваливавшего свою Полтавщину, и громко спросил:

– А вы слышали о том, что в Сибири вызревает виноград?

Колхозник, хитро прищурившись, оказал, что про «це» он «не чув». Но зато он «чув» про бананы, которые у нас вырастают здоровенными, «як та ковбаса»...

Все кругом засмеялись и моментально утратили к нам интерес. Мы обиделись и подсели к другой компании. Здесь respectable вида мужчина, которого все называли профессором, рассказывал что-то интересное про Аргентину. Импресарио профессора – загорелый молодой человек в усиках организовывал слушателей. Нам он запросто махнул рукой и спросил:

– Вы откуда?

– Сибиряки, – с достоинством ответили мы.

– Ну так грейтесь, – великодушно разрешил молодой человек. – Двадцать семь в тени.

– Подумаешь! – с вызовом сказал Милка. – А у нас тридцать три!

– Мороза? – уточнил импресарио.

– Жары! – сказал я.

Молодой человек вежливо не поверил.

– У нас – заводы, – сникли мы.

– Институты...

– Миллионный город...

– На каждом углу газвода... Честное слово.

Профессор глянул на нас с досадой. Загорелый молодой человек приложил палец к губам. И все отвернулись.

Я помолчал немного и осторожно кашлянул:

– Конечно, случаются иногда... похолодания.

– Градусов до сорока пяти, – пискнула Милка.

– Запуржит, заметелит, – зловеще сказал я. – Тайга – закон...

– Вечная мерзлота, – осмелела Милка. – На двадцать пять метров в глубину.

Компания зашевелилась. Профессор отставил жаркие страны и сказал:

– Ну-ну... Любопытно.

Молодой человек махнул какой-то парочке и спросил:

– Вы откуда?

– Из Майкопа, – ответили те.

– Садитесь, – сказал наш импресарио. – Послушайте, что люди говорят.

...На следующий день мы появились на пляже, независимые и многозначительные, как индейцы. Профессор на прежнем месте врал про свою Аргентину.

– Это что! – нахально сказал я, оттирая его плечом. – Вот у нас в Сибири – глушь, дикость!

– Только сядешь чай пить, а он в окно лезет, – бросила Милка.

– Кто? – истекая любопытством, застонали бывшие слушатели профессора.

– Медведь, конечно, – сказал я. – Белый. Это если утром. А к вечеру бурые начинают попадаться. Бывает, так и не да-

дут чаю попить.

Знакомая личность

Я уже собирался укладываться спать, когда в купе вошел немолодой белобрысый человек с большим дорожным портфелем. Меня словно что-то кольнуло: где я его мог видеть? Удивительно знакомое лицо! Я быстро перебрал в уме всех своих знакомых, сослуживцев, вспомнил школьных друзей. Никого похожего.

Белобрысый повернулся ко мне спиной и снял плащ. При этом он исключительно знакомо шевельнул лопатками. «Сейчас достанет из портфеля “Огонек”», – подумал я.

Белобрысый достал «Огонек».

Тьфу, пропасть! Вот ведь как не повезло! Целился отдохнуть в поезде, отоспаться, так его черт подсунул! Теперь, пока не вспомню, – ни спать, ни есть не буду. Такой идиотский характер.

– Вы чего смотрите? – спросил белобрысый и придвинул поближе портфель.

– Очень знакома мне ваша личность, – ответил я. – Не могу только вспомнить, где мы встречались. Причем близко встречались, кажется, разговаривали, и будто бы даже неоднократно. В Новосибирском строительном институте вы не учились? Между сорок седьмым и пятьдесят первым?

– Нет, – покачал головой белобрысый. – Я закончил технологический факультет.

– В Москве?

– В Томске.

– Мимо, – сказал я. – Если бы в Москве... Там меня с технологического выперли в сорок шестом... Скажите, а в Арзамасе вам бывать не приходилось?

– Никогда, – сказал белобрысый. – Смутно представляю даже, где он находится.

– Между Муромом и Горьким.

– Это какой же Муром? – заинтересовался он. – Тот самый?

– Тот самый, – сказал я. – Там и село Карачарово есть.

– Ишь ты! – удивился он.

– Есть, – кивнул я. – Сохранилось. Карача... Господи! Вы в Карачах не лечились? Грязевые ванны и все такое?..

– Не лечился, – сказал он. – Мне предлагали путевку. Но тут подвернулся Трускавец...

– Когда были в Трускавце? – схватил я его за руку.

– В шестьдесят первом.

– А в шестьдесят третьем не отдыхали?

– В шестьдесят третьем я по Военно-Грузинской дороге путешествовал, – сказал он.

– Ну где же я вас видел?

Белобрысый хмыкнул и развел руками.

– Ничем не могу помочь, – сказал он и принялся устраивать постель.

Я тоже забрался на свою верхнюю полку.

Лежал там и тарашил глаза.

На курсах усовершенствования в пятьдесят шестом... ни одного блондина во всей группе не было.

К Вике Сигизмундовне в день рождения, помнится, забрел какой-то незнакомый человек, пришлось милицию вызывать. Да, но этот в Арзамасе не жил...

– А, дьявол! – ударил кулаком подушку белобрысый. – Загадали вы мне загадку. Нарочно ведь самолетом не полетел, думал в дороге отоспаться...

– Хе-хе! – сказал я. – Один вы такой умный!

Он достал папиросы и зашарил на столике спички. Я протянул ему зажигалку.

– Послушайте, – сказал он. – А в Норильск вам заглядывать...

– Отпадает Норильск, – вздохнул я. – Ни сейчас, ни в дальнейшем. По причине здоровья.

– Так может, Тула?

– Не был, – ответил я.

– Ну, давайте спать, – предложил белобрысый.

Угу! Заснешь тут, как раз! Значит, он сел в Топорище. Топорище на одной параллели с Крутой Водой. В Крутой Воде обогатительная фабрика. Там директор – блондин. Недавно его в Бугры перекинули...

– А-а-а! – заорал вдруг белобрысый. – Вспомнил!

Он вскочил и схватился руками за мою полку.

– В прошлом году! В июле!

– Ну?!

– Поезд «Новосибирск – Адлер»! Вы еще всю дорогу ко мне привязывались: «где я вас видел» да «где я вас видел»! Так, между прочим, и не вспомнили.

– Фу ты! – с облегчением вздохнул я. – А ведь правильно. Там и встречались. Ну, спокойной ночи.

Я отвернулся к перегородке и моментально заснул.

Время больших снегопадов

В прошлую пятницу топчусь я на остановке, караулю такси. Голосую, как говорится. Вернее, имею желание голоснуть, если что-нибудь такое на дороге покажется – такси ли, ведомственная легковушка, допустим, или хотя бы, дьявол с ним, мотоцикл с коляской. Я уж на все готов: мороз жмет – минус тридцать с ветерком и время истекает.

Но ничего такого на дороге, как назло, нет. Идут самосвалы, панелевозы движутся, трактора колесные с прицепами, два автокрана проследовало и один артиллерийский тягач... А такси не появляется, ну хоть застрелись.

Троллейбусы, правда, время от времени подходят. Но они возле остановки не тормозят. Здесь как раз вдоль поребрика сугроб образовался метровой высоты – им нельзя тут стоять ввиду опасности транспортной пробки. Они поэтому дальше проскакивают метров на тридцать – туда, где чистое место. И ожидающие пассажиры с руганью гонятся за ними.

Только я один не гонюсь. Мне на троллейбусе тащиться время не позволяет. Я такси жду. Жду, отбиваю чечетку, уши кручу, чтобы окончательно не заledenели... А такси все нет.

Даже милиционер постовой не выдержал – подошел. Стрельнул у меня сигарету и спрашивает:

– Нездешний, что ли?

– Почему нездешний? – отвечаю. – Местный житель.

– Хм, – говорит милиционер, – а я подумал, приезжий.
– Бывает, – сочувствую я. – А в чем, собственно, дело?
– Да вот смотрю – ты вроде на такси целишься. А они, между прочим, как более свободный транспорт, сегодня кругом идут – через площадь Павловского и мимо Зяборовской бани. Не хотят в эту щелку лезть. Это троллейбусам деваться некуда – они к проводам привязанные...

– Тьфу! – говорю я тогда и голосую первому попавшему бульдозеру.

Бульдозер остановился.

Сейчас, знаете, все останавливаются. И все берут. Это раньше только легковые машины пассажиров сажали, а теперь пожалуйста – маши любому грузовику, если в кабине свободно. Разобраться, так на грузовом транспорте даже лучше ездить. Такси тебя, во-первых, куда попало не повезет, а во-вторых, там по счетчику платить надо. А здесь пока что расценки умеренные – в любой конец рубль. Я сам однажды на траншейном канавокопателе ехал – в оперный театр опаздывал. И ничего – довез он меня прямо к месту. Только с черного хода подрулил. Возле парадного им пока не разрешается останавливаться.

У этого бульдозериста как раз в кабине было свободно – и он остановился.

– Куда едешь, хозяин? – спрашиваю я.

– А тебе куда надо? – отвечает бульдозерист.

– Мне?.. А ты как вообще-то торопишься?

– Ну давай короче – чего надо? – говорит бульдозерист. – Туда-обратно, что ли? Могу туда-обратно.

И тут я (до сих пор не понимаю, какая меня муха укусила) вместо того, чтобы сесть в кабину этого бульдозера и спокойно ехать куда надо, вдруг говорю:

– Слушай, друг: раз ты не торопишься и времени у тебя, видать, навалом – убери, к свиньям, этот сугроб, а? Смотри – ведь народ в нем утопает.

И действительно, против остановки возвышается недавно открывшийся институт ГИПРО-чего-то-там, а в первом этаже новый «Гастроном» – люди постоянно идут туда-сюда, карабкаются через сугроб и вязнут в нем чуть ли не до пояса.

Бульдозерист от неожиданности растерялся.

– Вот дает дрозда! – говорит. – Да на хрена мне твой сугроб сдался?!

– Товарищ! – прошу я. – Seriously. Ведь на такой технике сидишь – раз плюнуть!

– Ты чего привязался? – начинает злиться водитель. – Если ехать, то садись, а не ехать... – и хочет включить скорость.

– Браток! – говорю я, хватаясь за рычаги. – Поимей совесть! Отгреби! Минутное ведь дело!

– А ну убери руки! – говорит бульдозерист. – А то сейчас как отгребу – родных не узнаешь!

И поехал... Но потом, видать, передумал.

– Начальник! – кричит. – Эй!.. А может, тебя все-таки подбросить куда?

Но я уже завелся.

– Катись, – говорю, – отсюда!.. Подбрасыватель... Мне с тобой сидеть-то рядом противно.

Тогда бульдозерист помялся и говорит:

– А, ладно!.. Была не была! Давай на бутылку красного – отгребу.

Дал я этому бульдозеристу рубль тридцать две копейки – на бутылку «Рубина». Все равно, думаю, это сейчас не деньги. Ну что на них купишь, какого фига? Единственно – тот же «Рубин». Или в лучшем случае «Анапу». Так я «Анапу» не пью. У меня от нее изжога.

Бульдозер чистит проспект, а я стою, бью в ладоши и размышляю. «Господи! – думаю. – Как просто, оказывается. Выложил рубль тридцать две – и нет сугроба. А что это за капитал? Так, копейки, мелочь – тьфу! Да только в нашей закусочной, в “аквариуме”, мужички после работы столько просаживают на рассыпуху, что можно не один бульдозер, а целый тракторный парк на полный рабочий день откупить. Эх! – думаю. – Мать честная. Это ведь стоит единственный вечер не попить, и мы родной город в конфетку превратим».

Стою я так, размышляя, и слышу вдруг за спиной некоторый шум и разговор. Оглядываюсь – это давешний милиционер и с ним какой-то взволнованный гражданин в ондатровой шапке и в пальто с каракулевым воротником. Причем милиционер указывает на меня пальцем, а этот гражданин кидается и чуть ли не за грудки:

– От какой, – кричит, – организации?!

– Минуточку, – говорю. – Не топчите меня. В чем дело?

– Вы приказали снег отгрести?

– Ну уж и приказал, – говорю я. – Скажете тоже. Да разве ему, черту, прикажешь...

– Вы понимаете, что наделали? – приступает гражданин.

– А что такое? – спрашиваю.

– Я семь человек с работы снял на полтора часа! – машет руками гражданин. – Семь специалистов!.. Это наша подшефная территория... А теперь куда мне их прикажете?!

И точно, за ним, вижу, стоят семь молодых людей с лопатами. И вид у них довольно ошарашенный.

– Извините, – говорю. – Ей-богу, не знал, что это ваш снег. А то бы, конечно, палец о палец не стукнул.

– Да, ситуация! – вздыхает один из семерки, здоровый парень спортивного сложения.

– Может, назад, в институт? – предлагает другой, очкастый, в демисезонном пальтишке.

– Ты понимаешь, что говоришь?! – кидается теперь уже на него каракулевый гражданин. – Мы же специальное собрание проводили, обязательство брали! Как ты перед народом отчитаешься, перед молодежью? Скажешь, что чужой дядя за тебя убрал?!

– Да, ситуация! – сдвигает шапку спортсмен.

– Есть идея! – говорю я. – Смотрите – он только за остановку снег отпихнул, на чистое место. Давайте перекидывайте

его дальше – как раз на полтора часа хватит, даже с хвостиком.

– А Цветметпроект? – оборачивается ко мне разгоряченный гражданин. – Это же их участок, они тоже обязательство брали. Вы понимаете, чем тут пахнет?

– Да, ситуация! – бормочет спортсмен. – Тогда – по домам.

– Я не могу, – расстроено говорит очкастенький. – Как хотите, а не могу... Все еще работают, а мы уже домой. Другое дело, если бы мы за полчаса задание выполнили, тогда оставшийся час был бы наш.

– Ребята! Парни! – говорю. – Ладно, моя вина, елки-палки! Готов искупить. Тем более все равно уже опоздал куда торопился. Раз вам домой совесть не позволяет, а на работу нельзя – пошли со мной. Ну, как будто вы уже свое отмантулили...

И я повел их в «аквариум» – у меня еще шесть рублей в кармане было... А потом и они – видят, человек от души, – тоже сбросились. Так что мы чудесно провели эти полтора часа. Я не жалею. Главное – с хорошими людьми познакомился. Парни оказались что надо. Все с высшим образованием, а очкастенький этот вообще – без пяти минут кандидат наук.

Так он мне увлекательно про свою работу рассказывал, так трогательно – ну прямо чуть не плакал.

Непродающий и продающий

Не знаю, может, бывают совсем никудышные елки, но этой почему-то все восхищались.

– Ах, какая милая елочка! – разулыбалась шедшая навстречу дама. – Не продаете?

– Что вы! – сказал я. – С таким трудом достал.

– Жаль, жаль, – потухла дама.

Потом меня заприметили, видимо, молодожены. Они долго шли следом и шептались. Наконец молодой человек решился. Догнал меня и, смущенно откашлявшись, спросил:

– Извините, где елочку брали?

– Там уж нет, – сочувственно сказал я.

– А эту не уступите? – залился краской молодой человек. – Жене очень понравилась.

– Эх, браток! – вздохнул я. – И рад бы, да свой карапуз дома ждет.

После молодоженов откуда-то из подворотни вывернулся плечистый мужчина. Этот сразу схватился за комель и командовал:

– Продай!

– Сам купил, – сказал я, прижимая елку к груди.

– Бери что хочешь! – не отступал мужчина.

Мне ничего не требовалось. Я выдернул елку и убыстрил шаг. Мужчина долго еще шел за мной и клянчил:

– Может, договоримся, а, хозяин?

Недалеко от дома меня окружила целая толпа.

Задние спрашивали:

– Что там, елки продают?

– Витя! – кричала какая-то женщина. – Плюнь на него – переплати рублевку!

Я с трудом взобрался на пустые ящики и закричал:

– Граждане! Елка не продается! Что вы делаете! Не ломайте ветки!

Меня, ворча, отпустили.

...Я потихоньку открыл свою квартиру и увидел жену и сына, восторженно прыгающих... вокруг елки.

– Нам повезло! – сияя, сказала жена. – С трудом уговорила одного прохожего уступить!..

– Не беда, – пробормотал я, пятясь к двери. – Пустяки. Сейчас я все устрою.

Я вышел и схватил за рукав первого встречного:

– Купите елочку! Правда, красавица?

Он подозрительно осмотрел меня и спросил:

– Почему?

– Ерунда, – сказал я. – Полтора рубля.

– Что так мало? – хихикнул он. – На пол-литра не хватает?

Я ринулся навстречу женщине с девочкой.

– Барышня! – сладким голосом сказал я. – Смотри, какая елка! Пусть мама тебе купит!

– Пошли, пошли, детка! – испуганно сказала женщина,

увлекая девочку в сторону. — Мы лучше найдем, в магазинчике. Неизвестно еще, где он ее взял.

Некоторое время я топтался на тротуаре и сиротливо тянул:

— Имеется елочка — зеленая иголочка. Лучшая утеха для детей...

Меня старательно обходили.

В конце концов я не выдержал, взмахнул ею, как знаменем, и заорал:

— Граждане! Кому елку?! Налетай! Задаром отдам.

Граждане подняли воротники и бросились врассыпную...

Человек в рыжем плаще

Мы вошли в троллейбус – я и Бобик. То есть вошел, разумеется, я, а Бобик сидел у меня за пазухой, высунув наружу нос, блестящий, как шарикоподшипник. Значит, мы вошли и скромно встали в уголок на задней площадке.

– Прелесть собачка, – проворковал добродушный гражданин, потеснившись. – Это он или она?

– Он, – сказал я.

– Где собака? – встрепнулся вдруг пассажир в рыжем плаще. – Ну да! И без намордника!

– Да что вы, – улыбнулся добродушный гражданин. – Зачем намордник такому малышу? Ведь он же еще щеночек.

– Этот? – нервно подпрыгнул человек в рыжем плаще. – Х-ха-ха! Ничего себе щеночек! Вот откусит он вам ухо или нос, узнаете.

Добродушный гражданин отодвинулся и на всякий случай прикрыл ухо шляпой.

– Кондуктор! – продолжал волноваться человек в рыжем плаще. – В троллейбусе везут собаку! Я требую!.. Собак возить запрещается!..

– Ох, господи! – вздохнула какая-то бабушка. – Леночка, подбери ножи, детка. Собака, слышишь, забегла бешеная.

– И выпускает он кобеля ростом с годовалого телка, – уже рассказывали в другом конце вагона. – И говорит, что, де-

скасть, у него четыре диплома и шесть медалей...

– Так и есть, – пригнухиваясь, сказала кондуктор. – Кто-то везет керосин. Граждане, кто везет керосин? Керосин провозить запрещается!

– Это возмутительно! – взвизгнул человек в рыжем плаще. – В то время как в троллейбусе находится волкодав, вы замазываете глаза керосином! Я жаловаться буду! Назовите ваш нагрудный номер! Товарищи, у кого есть авторучка?

– Черт знает что такое! – не выдержал стоявший рядом пожилой товарищ. – По мне везите хоть носорога! Но почему он у вас, действительно, пахнет керосином?

– Кто? – спросил я.

– Волкодав ваш!

– Да что вы! – обиделся я. – Вы понюхайте!

– Нет уж, увольте, – попятился он.

– Ага! – закричал человек в рыжем плаще, уставив в меня палец. – Он еще покажет вам, этот щеночек!

А с другого конца вагона катилась отраженная волна:

– Собака укусила!

– Кого?

– Вот этого, в шляпе...

– А мне его медали до лампочки...

– Граждане, кто везет керосин?

– А-а-а-а! Она здесь! Здесь!

– Что вы нервничаете? Это моя муфта.

– И, главное, без намордника...

– Сдать его милиционеру.

– Так всю лодыжку и вырвал...

– Граждане, керосин провозить!..

Наконец эта волна вынесла на гребне крупного мужчину с желтым портфелем под мышкой.

– Этот? – кивнул он на меня.

– Он! – выдохнул рыжий плащ.

– А ну-ка! – сказал мужчина, уверенно расчищая себе плацдарм. – Троллейбус остановить! Так... Вот вы, вы и вы! Помогите мне.

Мобилизованные товарищи дружно взяли меня под руки и переставили на тротуар. Следом за мной вывалился человек в рыжем плаще, и дверь захлопнулась.

– Ну, и чего вы добились? – спросил я. – Вот теперь вместе пойдем пешком.

– Не-ет, – сказал он. – Я приехал. Как раз моя остановка.

И, распахнув плащ, вытащил большой бидон с керосином.

– А песик у вас хороший. Ах ты, пупсик-мопсик! – И он протянул руку, чтобы погладить Бобика.

– О, провокатор! – сказал Бобик и укусил протянутую руку.

Блондинка на букву «Л»

– А ну-ка, постой, – сказал Гришкин. – Стой, не дергайся!

И он снял с моего рукава длинную белую нитку.

– Ого! – загоготал Мишкин. – Блондиночка вбабахалась.

А говорил – не любишь блондинок.

– А это не он их любит, – встрял Машкин. – Это они его.

Чем меньше мы блондинок любим, тем чаще нравимся мы им. Хи-хи-хи!

– Минуточку, – сказал Гришкин и стал мотать нитку на палец.

Нитка кончилась на «Л».

– Лена, – сказал Мишкин. – Или Леля. Ну влип ты, старик.

– Да это не он влип, – уточнил Машкин. – Это она влипла.

– Ох и трепачи вы! – сказал я. – Ну и трепачи.

В этот момент подошел мой троллейбус.

– Пока, – сказал я и прыгнул на ступеньку.

– Эй, а нитку?! – крикнул Гришкин.

– Оставь себе! – махнул рукой я.

– Везет же некоторым, – завистливо вздохнул Машкин. –

В такого крокодила и влюбилась блондинка.

– Сам ты крокодил! – обернувшись, сказал я.

Впереди меня в троллейбусе стояла блондинка. «Начинается, – усмехнулся я. – Хорошо, что этой банды рядом нет».

И стал смотреть в окно.

Лицо блондинки отражалось в стекле. Она была ничего. Миленькая.

«Интересно, как ее звать?» – подумал я.

Тут парень, стоявший еще дальше, поднял руку с билетами и крикнул: «Я взял!»

Блондинка кивнула.

Муж, догадался я. Или жених. Ну что она в нем такого нашла? Правда, высокий. И широкоплечий. Лицо благородное.

А нос все-таки подгулял. На боку чуть-чуть нос.

Даже здорово на боку.

Так в ухо и целит.

Собственно, трудно понять, где нос, а где ухо.

До чего женщины бывают неразборчивы!

«Нет, – решил я, выйдя из троллейбуса. – Это не дело – искать свою блондинку в городском транспорте. Одних автобусов, говорят, выходит ежедневно 150 штук. А там еще трамваи, троллейбусы вот, такси. И вообще, о чем это я думаю, идиот! Глупости какие! Буду лучше думать о своем носе».

В коридоре института мне встретилась техник Каридазова.

– Здравствуйте, Пал Семеныч! – сказала она.

– Здравствуйте, Леночка! – ответил я.

И будто меня чем по голове ударили. Леночка! Блондинка! То-то я все замечаю... Вот это компот-изюм! Ай-ай-ай!

– Позовите-ка техника Каридазову, – на ходу бросил я

рассыльной, – с чертежами.

Вошла Леночка.

– Ну садитесь, милая. – сказал я. – Рассказывайте, как дела?

Леночка зашуршала чертежами.

– Нет-нет! – удержал я ее руку. – Бог с ними. Я про другое. Совсем про другое, Леночка. Вот смотрю – грустная вы какая-то. Какая-то сама не своя. Может, случилось что? Вошло, так сказать, в жизнь? Какое-нибудь большое чувство, а?

Леночка опустила глаза.

«Эге! – смекнул я. – Так оно и есть. Ах ты, пичуга!»

– Ну что же вы молчите? – как можно нежнее произнес я. – Блондинка на букву «Л».

– Я не на «Л», – сказала Леночка. – Я на букву «Е» – Елена.

– Вот как!

– Да, – вздохнула Леночка. – Елена.

– М-гу... Ну, а если у вас ничего не случилось, – раздраженно сказал я, – никаких таких потрясений, то работать надо, Каридазова. Работать! А не по углам мыкаться!

Вот ребус, а! А может, перемотал этот Гришкин? Может, все-таки «Е» выпадало? Палец у него тонкий. Какой там, к черту, палец. Шило, а не палец... А если не перемотал, кто же тогда? Людмила Федоровна не полная блондинка. Скорее шатенка. Люка Изяславовна – благодарим покорно. Пусть она в подъемный кран влюбляется. Или в семафор. Софья

Куприяновна? Софочка? Конечно, чистая блондинка, хоть пробу ставь. Но ведь на «С».

– Вас к Лиане Матвеевне!

– Куда?!

– К Лиане Матвеевне, – повторила рассыльная.

Мать честная! Какой остолоп! Ну конечно же, Лиана!

«Ах, Павел Семеныч, этот привод у вас такой оригинальный! Ах, Павел Семеныч, вы считаете, как арифмометр!»

Ха-ха! Привод! Повод, а не привод! Только круглый дурак мог не догадаться!

Так!.. Галстук на месте? Бр-р!.. Что за галстук! Тряпка, а не галстук! Удивительно даже, что, несмотря на этот галстук, такая женщина и... Нет, какой я все-таки осел!

– Сама вызывает? – остановила меня Софья Куприяновна.

– Сама Лиана Матвеевна! – с достоинством ответил я.

– Любопытно, что понадобилось этой крашеной мегере?

– Не понял. Что значит – крашеной?

– Боже! Как мужчины наивны! – сказала Софья Куприяновна. – Вы думаете, она натуральная блондинка? Черта лысого!..

По дороге домой я ругал Гришкина последними словами. «Удавиться тебе на этой нитке, интриган!» – свирепо думал я.

– Ты ничего не замечаешь? – спросила жена, открыв мне дверь.

– А что такое я должен заметить?!

– Присмотрись внимательно, – сказала она.

– Пожалуйста! – Я демонстративно посмотрел налево, потом направо. – Еще? Или достаточно? У нас появилась лишняя комната? Стал выше потолок?

– Нет, – сказала жена. – Просто я покрасила волосы... в рыжий цвет.

– Потрясающе! – всплеснул руками я. – Непонятно, почему дремлет радио!

И я ушел на кухню. И просидел там час. Но потом, подталкиваемый одной неотвязной мыслью, открыл дверь и крикнул:

– Люба! А, собственно, какого цвета ты была раньше?!

В тихом омуте

Хороший у меня сосед. Скромный, тихий, ненавязчивый. Чтобы, к примеру, радио он включил на полную катушку, как некоторые, или принялся неоправданно кастрюлями грохотать – боже упаси! Да что радио. Другую мышь и то слышнее бывает. Иной раз даже беспокойство возьмет – не захворал ли он, бедняга, или того хуже? Ну, постучишь к нему под благовидным предлогом – ничего, жив-здоров.

Собственно, этим наши отношения и ограничивались. А тут как-то вышел случай другого порядка. Оказал мне сосед одну мелкую услугу. Покупал для себя молоко и на мою долю прихватил бутылочку. И я, желая чем-нибудь отблагодарить его, сказал:

– Заходите. Чайку попьем. Рассказик новый прочту вам.

– А можно? – засмутился сосед.

– Ну конечно. Я же приглашаю.

– Ладно, – сказал он. – Заскочу. Вот только оформлюсь. –

Он провел рукой по короткой щетине. – Тут до вас музыкант жил – так никогда не приглашал. Скрытный был исключительно.

– Да?! – вежливо удивился я.

– Не приглашал, – повторил сосед. – Но я сквозь стенку слушал. Очень интересно.

Он пришел выбритый, при галстуке, в новом клетчатом

пиджаке.

Рассказ прослушал чрезвычайно внимательно. Похвалил. Потом, снова покрасневшись, спросил:

– А можно замечание?

– Да боже мой! – развел руками я. – Хоть два. Мне же на пользу.

– Там у вас, в самом конце, где этого типа усатый гражданин бьет...

– Ну-ну?

– Надо бы посильнее. Побольше ему вложить.

– А что, – подумав, сказал я. – Пожалуй, вы правы. Таких учить надо.

– Надо, надо, – согласился он. – Кстати, он за ним с чем гонится? Ну-ка.

Я перелистал обратно несколько страниц:

– С отверткой.

– Вот видите, – сказал он. – А потом чего же только кулаком?

– Да-а, – почесал в затылке я. – Выходит, «не стреляет» отвертка?

– Не стреляет, – кивнул он.

– Ну, спасибо, – поблагодарил я. – Как это вы подметили?

– Вам спасибо, – сказал он. – Очень приятный вечер получился.

Сосед откланялся. Я сел к столу поработать.

Прошло около часа – и кто-то позвонил у дверей. Я от-

крыл.

– Извините, – сказал сосед. – Может, лучше взять молоток?

– Куда взять? – не понял я.

– Вместо отвертки, – объяснил он. – Молотком удобнее. И не по загровку ему, а прямо по голове. Вот так!

Он сжал кулак и показал, как надо бить по голове. Я обещал подумать.

– Еще раз извините, – сказал сосед.

В первом часу ночи он позвонил снова.

– Пардон, – сказал я, прижимая к груди одеяло. – Думал, вы уж не придете. Собрался на боковую.

– А я концерт слушал, – улыбнулся он. – По заявкам. Знаете что... Вы молоток еще не вставили?

– Не успел, – сказал я.

– И не вставляйте. Есть такие резиновые шланги, внутри пустые. Не встречали?

– Нет. А что?

– Ну, понимаете, полтора метра этой кишки, а в середину заливается свинец. Вжах! – Он взмахнул рукой. – И ключица пополам!

– Ого! – поежился я. – Значит, вы думаете, надо его шлангом?

– Конечно! – сказал он. – Разочка четыре перепоясать. Чтобы помнил... Ну, спокойной ночи.

– Приятного сна.

Проснувшись утром, я умылся, позавтракал и вышел за дверь.

На лестничной площадке курил сосед. Увидев меня, он затушил сигарету и спросил:

– Как спали?

– Благодарю вас, – ответил я. – Неплохо.

– А я все думал, – сказал он. – Почти до утра. Вот что, по моему... Надо ему ногу сломать.

– Не круто ли будет? – усомнился я.

– Нет! – убежденно мотнул головой он. – Именно ногу. В двух местах. Взять хороший ломик и перебить. Это делается так...

– Спасибо. – быстро сказал я. – Не надо показывать. Я вообразу.

У подъезда мы расстались. Я сделал несколько шагов и вдруг резко обернулся. Показалось – кто-то гонится за мной с молотком.

Но нет. Он шел своей дорогой. Мирно помахивал портфелем. Тихий, незаметный человек. Старший бухгалтер швейторга.

Чужой ребенок

В субботу позвонил Яшкин.

– Алло! Это ты, очкарик? – спросил он. – Ну, как делишки, сколько на сберкнижке?

Яшкин – это Яшкин, он не может без каламбуров.

– Миллион двести тысяч, – в тон ему сказал я.

– Чтоб мне так жить! – обрадовался Яшкин. – Ну так сними полмиллиона, и поедем завтра за город.

– Люсь! – окликнул я жену. – Тут Яшкин звонит – за город приглашает.

– Что ты, – вздохнула жена и показала глазами на сына. – Куда мы с ним.

– Эй, Яшкин, – сказал я. – Не можем мы. Нам ребенка не с кем оставить.

– Это причину пожара-то? – спросил Яшкин. – А вы его с собой.

– Люсь, он говорит – с собой взять!

– Еще чего! – дернула плечом жена. – Представляю, что будет за отдых.

– Нет, Яшкин, – сказал я. – Отпадает такой вариант.

– Заедаешь счастливое детство? – весело спросил Яшкин. – Вот я сейчас Пашкину трубку передам – он тебе врежет.

– Ай-ай-ай! – сказал Пашкин. – Ай-ай-ай, отец! Как же

это ты, а? Ну сам воздухом не дышишь – ну не дыши, а ребенка-то почему лишаешь?

Затем трубку взял Гришкин.

– Нехорошо, старик, – загудел он. – Нехорошо о нас думаешь. Обидно. Что ж мы, трое взрослых людей, не поможем вам с ребенком... Дай-ка мне старуху.

Я позвал к телефону жену.

– Нехорошо, старуха, – сказал ей Гришкин. – Нехорошо о нас думаешь. Обидно. Что ж мы, трое взрослых людей... Погоди-ка, тут Яшкин хочет еще добавить.

Яшкин добавил и передал трубку Пашкину. Пашкин, заклеив нас, вернул ее Гришкину...

Короче, когда они зашли по четвертому кругу, мы не выдержали и сдались.

В воскресенье утром Яшкин, Пашкин и Гришкин встретили нас на вокзале.

– Что-то я не вижу здесь ребенка! – притворно сказал Яшкин. – Ах, простите, вот этот молодой человек! Ого, какой богатырь! А папа не хотел его за город брать. Ну и папа! По боку надо такого папу! Верно? И мама тоже хороша – с папой соглашалась. Рассчитать надо такую маму. Как думаешь?

– Здорово! – сказал Гришкин. – Тебя как звать? Кузьма? Ну, садись мне на шею.

– Зачем вы? – запротестовала жена. – Он сам ходит.

– Да ладно, – отмахнулся Гришкин. – Мне же не трудно.

И Кузьма поехал в вагон на шее у Гришкина.

В поезде к нашему ребенку подключился Пашкин.

– Ну, оголец, хочешь конфетку? – спросил он.

– Не хочу! – мотнул головой Кузьма и покраснел.

– Ишь как вымуштровали, – недовольно заметил Гришкин.

– Это ты зря, оголец, – сказал Пашкин. – Зря отказываешься. Ты действуй так: дают – бери, а бьют – беги.

– Кхым-кхым... Вот что, Кузьма, – толстым голосом сказал я. – Относительно второй части... Это, видишь ли, дядя шутит. Когда бьют – надо не убегать, а давать сдачи.

– Сам-то шибко даешь? – спросил Гришкин.

– Да глупости это, – сказал Пашкин. – Материи... Лично я, например, бегал. Убегу – и все. Ну, правда, что бегал я здорово. Меня сроду догнать не могли.

– Вы! Звери! – не выдержал Яшкин. – Позвольте ребенку конфетку-то взять!

– Ладно, Кузьма, возьми, – разрешил я.

Кузьма взял.

– А что надо сказать? – строгим голосом спросила жена.

– Дядя, дай еще! – подсказал Яшкин.

– Яшкин! – зашипел я. – Ты чему учишь!..

– Да бросьте вы, честное слово! – возмутился Гришкин. – Ребенок – он есть ребенок...

Мы вылезли на станции Ноздревой, и Кузьма сразу же увидел кур. Куры неподвижно лежали в пыли под плетнем.

– Они умерли? – спросил Кузьма.

– Спят, – ответил Пашкин.

– Нет, умерли, – не согласился Кузьма.

– А ты возьми палку да турни их – враз оживеют, – сказал

Гришкин.

– Кузьма, назад! – закричала жена. – Брось эту гадость!

– Пусть погоняет, – удержал ее Пашкин. – Где еще он куриц увидит.

Куры, исступленно кудахча и сшибаясь друг с другом, летели через плетень, в воздухе кружился пух.

– Ну, силен! – повизгивал Яшкин. – Вот рубает! Ай да причина пожара!

На берегу речки Яшкин с Кузьмой начали готовить костер.

– Тащи дрова! – командовал Яшкин. – Волоки сушняк, гнилушки, бересту, ветки – все пойдет!

– Кузьма! – сказал я, нервно протирая очки. – Не смей ломать эти прутьики! Их посадили тети и дяди, думая о тебе и о таких, как ты. Каждый человек должен...

– Пусть заготавливает, не мешай! – оборвал меня Гришкин. – Ломай, парень, их здесь до хрена. Век не переломашь.

Тем временем Яшкин и Люся, расстелив на земле клеенку, «накрыли стол».

– Так много луку! – удивился подошедший Кузьма.

– Ничего – осилим, – заверил его Пашкин. – Под водочку он так ли еще пойдет.

– Все равно – до хрена, – сказал Кузьма.

Жена побледнела.

– Кузьма! – вскочил я. – Немедленно встань в угол!

Яшкин как стоял, так и покатился по траве.

– А угла-то! – задыхался он. – Угла-то... Угла-то нет!..

– Нет угла, – хмуро сообщил Кузьма.

– Хорошо! – сказал я. – В таком случае встань под кустик.

Кузьма встал.

– Под кустиком! – сказал Яшкин и снова затрясся от сме-

ха. – Под кустиком полагается сидеть... А не стоять... Ты садись, старик. Садись.

Кузьма сел.

– Товарищи! – не выдержала жена. – Нельзя же так...

– Ну-ну-ну! – сказал Пашкин, разливая по кружкам водку. – Вы тоже меру знайте. Совсем замордовали человека. Родители... Давайте-ка вот лучше выпьем.

Выпили. Закусили луком и редисочкой. Луку, действительно, было до хрена. Пашкин стал наливать по второй.

– Ой, мне не надо! – прикрыла кружку жена.

– Я тоже... воздержусь, – буркнул я, покосившись на Кузьму.

– Эт-то как же так? – спросил Пашкин. – Эт-то что же такое? А ну-ка – в угол! Немедленно.

– Под кустик! – застонал от восторга Яшкин.

– Ребята! Ребята! – испугался я. – Вы чего!..

– Под кустик! – рыкнул Гришкин.

– Под кус-тик! Под кус-тик! – стали скандировать они втроем.

Мы с женой, улыбаясь дрожащими губами, встали под кусти́к.

– А ты выходи, – сказал Пашкин Кузьме. – Ты свое отбыл. Кузьма вышел.

– Братцы! – взмолился я. – Что же вы делаете!

– А когда в углу – тогда не разговаривают, – поддел меня Кузьма.

– Что, съел? – спросил Яшкин. – Ты, Кузьма, папку не слушай, – сказал он. – Папка у тебя вахлак. Очкарики вообще все вахлаки.

Пашкин между тем разлил по третьей.

– Ну, будем здоровы! – сказал он и обернулся к Кузьме. – А ты чего же сидишь скучаешь? Тоже мне – мужик! Ну-ка, давай за папу с мамой – выручай их!

– Я не пью еще, – ответил Кузьма.

– Ничего, научишься, – сказал Гришкин. – Это дело такое. – Он вдруг оживился. – Вот у меня племянник – чуть разве побольше Кузьмы, – а пьет. Сядут с отцом, вжахнут пол-литра – и песняка.

– Ранняя профессионализация? – живо откликнулся Яшкин. – Бывает. У меня, у соседей – девчонка. Представляете, девчонка...

И потек милый интеллигентный разговор.

Возвращались мы вечером, в переполненной электричке.

Кузьма спал на коленях у матери.

– Ну вот и вся проблема отцов и детей, – нравоучительно сказал Пашкин. – А то, понимаешь, ребенка оставить им не с кем... Эх вы, эгоисты! Да для него этот день знаете какой! Он его, может, на всю жизнь запомнит...

Условный французский сапог

Чужая невеста

Венька Гладышев, таксист четвертого автохозяйства, допустил хулиганский поступок. Непростительный. Из ряда вон выходящий.

Дело было в субботу вечером, часов около одиннадцати. Венька отвез пассажиров из центра в Академгородок, получил с них четыре рэ (на этом маршруте такса твердая – с носа по рублю, хотя счетчик ровно трешку бьет) – и присох на стоянке.

Желающих уехать обратно в город не было. Венька еще ждал, но понимал уже, что назад придется, скорее всего, гнать порожняком.

Тогда-то и подбежал этот парень. Высокий, довольно симпатичный, в замшевой куртке, при бакенбардах – все в строчку. Такой из себя мэнээс. Или, может, газетчик. Очень взволнованный чем-то. Открыл дверцу, засунулся в кабину чуть не до пояса:

– Шеф, есть работенка!

– Ну? – спросил Венька.

– Маленько тут в окрестностях покрутиться.

– Крутиться не могу, – сказал Венька. – У меня в двадцать

четыре заезд. В город – пожалуйста.

– Шеф! Христом-богом! – взмолился парень. – Понимаешь, какое дело – невесту надо украсть.

Венька присвистнул:

– Ого!.. А откуда украсть-то?

– Да рядом здесь, за углом, свадьба – в кафе. Подскочим, я ее быстренько выведу.

– Это чтоб потом выкупать? – догадался Венька. – Не-е. Разведете бодягу.

– Нет, тут другое дело, шеф. Покатаешь нас минут пятнадцать – и назад. Вот так надо, шеф! – Парень чиркнул ладонью по горлу. – Вопрос жизни – понимаешь?

Венька подумал секунду.

– А сколько кинешь?

– Ну сколько, сколько... – Парень от нетерпения перебирал ногами. – Ну, пару рублей кину.

– Падай, – сказал Венька.

К этому кафе, где свадьба, они подъехали со двора. Там оказалось высокое крыльцо, неосвещенное, – парень, видать, знал ход.

Он прислушался к музыке:

– Порядок. Как раз танцы. Минут пять подождешь?

Выскочили они даже раньше. Невесту Венька не рассмотрел – темно было. Тоненькое белое привидение скользнуло в машину. Хлопнула дверца.

– Трогай, шеф, – велел парень.

– Куда ехать-то?

– Все равно.

Все равно – так все равно. Венька крутанулся переулками до Торгового центра, поворотил к Дому ученых, на Морской проспект, потом – вниз по Морскому, выехал на Бердское шоссе – темное уже и пустынное.

Но – стоп! Не в маршруте дело, а в том, что происходило за Венькиной спиной. А происходило там та-кое-е!.. Венька уши развесил и рот открыл. Он думал, что похищение это – хохма какая-нибудь, розыгрыш, а получился роман прямо. Художественное произведение. У этих двоих, оказывается, раньше любовь была. Потом он как-то неудачно выступил, она его вроде «пнула», проучить хотела. Он взбрындил и уехал – в экспедицию, что ли. А она подождала-подождала, тоже взбрындила и раз! – замуж. За школьного друга, кандидата какого-то.

Примерно так понял Венька из обрывков разговора. Не столько понял даже, сколько сам нарисовал эту картину. Потому что говорили они теперь – торопливо, перебивая друг друга, – не о прошлом уже, о настоящем. А слова-то, слова какие – кино, честное слово, кино!

«Лелька, дорогая! Что ты делаешь, подумай!.. Неужели на кандидатские позарилась? Это ты-то? Не верю! Поломай все, Лелька, порви – слышишь?..»

А она: «Ах!.. Ох!.. Аркаша, милый!.. Ох, дура я, дура! А ты – балда, балда! Хотя бы адрес оставил!.. Да поздно, Ар-

кашенька, поздно!.. Да при чем здесь кандидатские – он человек хороший, ты же сам знаешь. Ой, мамочки! Да ведь я не та уже, не та! Понимаешь? Ты хоть это понимаешь?..»

И в таком духе, в таком духе.

Кого только ни возил Венька: пьяных в сисыку, иностранцев, писателей, базарных спекулянтов в кепках-«аэродромах», кидавших пятерки на чай, официанток из ресторанов с ихними фраерами развозил по хатам.

Но чтобы такое!.. У Веньки вспотели ладони, он по очереди вытирал их о свитер и, вытирая, слышал, как под ладонью бухает сердце.

Парень заливал здорово, напористо – невеста начала слабнуть. Венька почувствовал это. Парень тоже, видать, почувствовал, от уговоров перешел к командам:

– Никуда ты отсюда не выйдешь, не выпущу. Плевать нам на них, Лелька, плевать! На хороших, на плохих – на всех. Едем ко мне. Прямо сейчас!.. Шеф, разворачивай в город!

Запахло, кажется, воровством настоящим. Венька аж головой крутанул: вот те на! Хотя что же? – не он ведь воровал. Его дело извозчиье. И в город ему, с пассажирами, вполне годилось.

Все же он пока не разворачивался, только скорость чуть сбросил. Потому что те двое окончательно еще не договорились.

Парень – «разворачивай», а невеста – «Аркашенька, опомнись! Что мы делаем, господи!..»

– Шеф, ну что ты телишься? Разворачивай! – простонал парень.

И тут Веньку тоненько щекотнуло что-то. Мысль – не мысль, а так – дуновенье. Атом какой-то проскочил по извилинам. И он, как тогда, на стоянке, спросил:

– А сколько кинешь?

Спросил и напрягся почему-то в ожидании ответа.

– Ну сколько, сколько... – тоже как там, на стоянке, сказал парень – только еще нетерпеливее сказал, злее: – Пару рублей сверху получишь!

Венька смолчал. Продолжал ехать.

– Ну, тройку, шеф! – сказал парень, нажимая на «р» – «тройку».

Венька резко тормознул. Включил свет в салоне и повернулся к ним.

Парня он проскочил взглядом – видел уже, – уставился на невесту. Глазами с ней Венька только на мгновение встретился – не успел даже цвет различить. Круглые, испуганные – и все. Она их сразу же опустила. Но и с опущенными... Нет, не видел Венька подобного ни в кино, ни на картине. Не видел!.. Такая она была вся... такая! Ну не расскажешь словами. Да как рассказать-то? Про что? Про волосы? Про щеки... губы? Про то, какая шея? А такая: раз взглянуть – и умереть. Или напиться вдрабадан, чтобы неделю ничего другого не видеть... И где только она росла-то? Чем ее поливали?..

Венька смотрел.

Становилось неудобно.

Парень усмехнулся углом рта и тихо, словно извиняясь, сказал:

– Видишь, какие дела, шеф? Помоги вот... уговорить.

Венька очнулся. Слова до него не дошли. Просто стукнулись о черепок и разбудили. И сразу же он понял, что сейчас будет. С такой ясностью увидел неотвратимость всего дальнейшего – даже в животе холодно сделалось.

Еще почти спокойно, стараясь не сорваться раньше времени, он сказал парню:

– Вылезай – приехали!

– Как приехали? – не понял тот.

– А так. Дальше ты у меня не поедешь.

– Ты что, шеф, взбесился? – спросил парень. – Мало даю, что ли? Могу прибавить.

– Я тебе сам прибавлю. – Венька психанул. В секунду. Словно на него скипидаром плеснули. – Прибавить?! Сколько? Червонец – два? Н-на! – Он рванул из кожанки скомканные деньги. – Бери! И выметайся!

– А ну-ка, не ху-ли-гань! – отдельно заговорил парень, с твердостью в голосе. И видно стало, что не такой уж он молодой, а вполне самостоятельный мужчина, умеющий когда надо командовать людьми. – И не маши хрустами! Ку-пец!.. Спокойно. Повыступал – и хватит! Все!

Ровно говорил, начальственно, как гипнотизировал.

Только Венька видал таких гипнотизеров. Не раз и не два. Он достал «уговаривалку» – монтировку. Вымахнул из машины, рывком открыл заднюю дверцу.

– Вылезешь, козел?! – спросил, не разжимая губ.

Парень вылез. Губы у него прыгали.

Невеста сунулась было за ним, но Венька, не глядя, так шарахнул дверцей, что невеста отпрянула в угол и закрыла лицо руками.

– Ладно, – сказал парень. – Я выйду. Но ты!.. Бандит!.. Понимаешь? Ты же бандит! Бандюга!.. И куда ты денешься? Я же тебя найду. Под землей раскопаю! Понял ты?!

– Ищи! – сказал Венька.

Он сел за баранку, развернулся, заскрежетав по гравию обочины, – и попер. И попер, попер! – только сосны замелькали, а потом и вовсе слились в сплошную черную стену, летящую навстречу.

Позади тряслась, давилась рыданиями невеста.

Только когда уже показались фонари Академгородка, она перестала трястись. Поняла, видать, что Венька не собирается ни грабить ее, ни чего другого с ней делать.

– Зачем вы с ним так? – заговорила, шмыгая носом. – Ведь ночь. Это ведь километров десять. Как он теперь?

Венька молчал.

– Ну, я понимаю, допустим... Да нет, я ничего не понимаю. Вам-то какое дело? Кто вы мне, право? Брат, сват, судья?

Венька молчал.

– Может, я еще и не поехала бы. Думаете, это так просто, да?

Венька молчал.

Но молчал он только вслух. А про себя... Никогда еще, наверное, Венька так свирепо не ругался.

«Коз-зел!.. Козлина! – скрипел зубами он. – Куртку замшевую надрючил! Джинсы американские!.. Пару рублей сверху, а!.. Торговался еще, гад! ТАКУЮ увозить – и торговался! Гнида с бакенбардами!.. Сидел – мозги пудрил, вешал... лапшу на уши. И – пару сверху! Ромео выискался».

Ах, если бы Веньке она сказала – увози. Да разве бы стал он торговаться! Кожанку бы снял. Рубаху последнюю. Половину таксопарка откупил. На руках бы нес все эти тридцать километров!

...Он остановился возле того же темного крыльца. Лег грудью на баранку: все, мол, точка.

Невеста взялась за ручку дверцы.

– Послушайте... Денег-то у меня с собой нет.

– Иди ты! – буркнул Венька. – С деньгами своими...

Она вылезла из машины, отбежала в сторону, остановилась – боком, настороженно, как собачонка: ногой топни – отпрыгнет.

– Вы подождите тогда – я вынесу.

– Эх! – сказал Венька и рванул с места.

Веньку судили товарищеским судом. Тот парень выполнил свое обещание – разыскал его. Венька мог отпереться. Свидетелей, кроме невесты, не было, а невеста молчала бы, как мышка. Скандал ведь.

Но отпираться Венька не стал. Да, сказал, посадил в лесу и «уговаривалкой» грозил – точно.

Его спрашивали: какая тебя муха-то укусила? Пьяный, что ли, был?

Венька не стал трогать подробности. Вообще отказался от объяснений. Сказал только:

– И еще бы раз этого козла посадил.

Его на полгода сняли с машины.

Сейчас он за восемьдесят рублей в месяц крутит в гараже гайки и сосет лапу.

Встретились Толя и Гриша...

Писатель Толя и бригадир монтажников Гриша подружились. Мы столь фривольно называем их потому, что сами они друг к другу именно так впоследствии обращались.

Подружились они на отдыхе, в писательском Доме творчества. Для непосвященных это может странным показаться и даже неправдоподобным – для тех, кто думает, что писатели живут в замках из слоновой кости или отгорожены от народа непреодолимой стеной. По крайней мере, в своих собственных творческих домах.

Так вот – чтобы исключить недоразумения: когда не сезон, в этих самых домах отдыхают шахтеры, доярки, железнодорожники, строители. Попадают иногда и писатели.

Толя и Гриша сошлись на той почве, на которой чаще всего сходятся русские люди. Писатель накануне встречался по случаю заезда с местными коллегами, маленько переборщил – и с утра чувствовал себя неважно: мотор плохо тянул, и голова побаливала.

Бригадир тоже был не в лучшей форме.

После завтрака вышли они вместе прогуляться по городку, похрустеть осенними листиками. Пошли рядом. Познакомились.

– Ну что, Григорий, – не знаю отчества, – сказал в одном месте писатель. – Может, по пятьдесят грамм? – и кивнул

головой в сторону открытой рюмочной.

– Я не против! – легко согласился бригадир. – Меня на это дело уговаривать не надо.

Вошли.

– Только уж что по пятьдесят, – сказал Гриша. – Давай по сто пятьдесят. В честь знакомства.

– Нет, старик, – отказался писатель. – Душа-то, она широкая – примет. Да вот организм узкий – сопротивляется.

– А я возьму. Меня пятьдесят даже не щекотят.

Взяли они – каждый свою дозу, выпили, закурили: бригадир – «Беломор», писатель – сигаретку «Элита». Закурили – разговорились. Оказалось, между прочим, что они одногодки – оба с тридцать девятого. Хотя внешне – никто бы не подумал. Бригадир Гриша здоровый был, краснощекий, глаза голубые, чистые, с веселой сумасшедшинкой. Писатель Толя – небольшой, сухощавый, с залысинами, под глазами мешочки.

Толя докурил сигарету, шевельнул левым плечом, поморщился:

– Пожалуй, старик, я еще пятьдесят приму.

– На вторую ножку! – оживился Гриша. – Ну, тогда и я повторю.

С тех пор у них и повелось.

Писатель Толя приехал сюда поработать. Работал он над новой книжкой коротких новелл, в два-три дня «доколачивал», как сам выражался, сюжетик и тогда позволял себе рас-

слабиться – посидеть вечером в баре.

Бригадир Гриша должен был лечить радикулит. Но он еще дома, перед отъездом, почувствовал себя хорошо и, в силу беспечности характера, решил на лечение плюнуть. О чем и объявил весело уже на следующей встрече:

– А я, Толик, курсовку свою выбросил. Псу под хвост. Помнишь, как у Василия Шукшина: «Свернул трубочкой – и сунул». – Гриша знал литературу. А Шукшина особенно уважал.

– Не зря ли, Гриша? Смотри: погусарствуешь здесь – а он тебя дома опять догонит.

– Ну и хрен с ним. Догонит – тогда и полечусь... Ты посмотри, что вокруг делается! – А вокруг правда бушевала осень – такая, что под сердцем щемило. – И чтобы я – каждый день на процедуры? Да гори они!

Словом, собирались они вместе довольно часто. Беседовали о разном. Схватывались, например, спорить о хоккее. Это уж как водится.

– Ну, вот Харламов, – горячился Гриша. – Что он в последнее время показывает?.. Серпантин этот свой? Схватит шайбу, поволокет – все за ним: вот, думают, будет банка. А он накрутится досыта – и бздынь! – потерял. Хоть бы своему кому отдал, а то – чужому.

– Ну как же, – спорил Толя. – Он свою задачу выполняет: изматывает противника, отвлекает на себя.

– Своих он изматывает! Побегай-ка от ворот до ворот впу-

стую. Не-ет... Я бы на месте тренера ему сказал: или ты играй, понял, или... У меня в бригаде был один такой... мудрило, рационализатор. Наделает шороху, нафинтит: счас, дескать, мы – левой ногой до правого уха. Ну, я подождал-подождал и взял его за жабры. Дома, говорю, рационализируй... в часы досуга, понял? А здесь давай план. И качество. Забивай, короче, шайбы! А то я тебе забью. Я те так забью! – Гриша сжимал полупудовый кулак.

Засиживались они таким образом часов до десяти-одиннадцати. Потом Толик подводил черту:

– Ну, старик... Я, пожалуй, и спать. А то ведь завтра снова на Голгофу.

– Давай, – не удерживал его больше Гриша. – А я пойду администраторшу поуговариваю. – Гриша бил клинья к администраторше – грудастой, большеглазой даме. Но пока безуспешно.

...В другой раз затрагивали производственный вопрос.

– Что, Толик? – спрашивал Гриша. – Трудно – инженером человеческих душ?

– Трудно, – честно сознавался Толя. – Не знаю, как другим, а мне трудно.

– Вот я и говорю!.. У меня же техникум как-никак. Неполный, правда, диплом я не защитил, так получилось. Ну, покрутился какое-то время в итеэр, плюнул и ушел бригадирить. И ты знаешь – лучше. Во-первых, тебя не едренят так в хвост и в гриву – раз. Во-вторых, ты все своими руками

пощупать можешь – каждый болтик. А я очень люблю, чтоб своими руками. Ну, а в-третьих, заработок выше...

– Какой, кстати, заработок, Гриша?

– Так-э... В хорошие месяцы – до четырехсот рублей... А у вас как? Если не секрет.

– У нас?... Ну, если напишешь да напечатают – тогда гонорар. А вообще-то, многие служат – получают оклад: надежнее... Я вот, например, служу.

– Где?

– В журнале. Завотделом.

– Это что? Вроде начальника участка, по-нашему? И сколько?

– Сто семьдесят.

– Негусто... Ну а гонорары?

– С этим, старик, сложнее. Тут мы кустари-одиночки. С одной только разницей. Вот представь себе: сделал кустарь табуретку, вынес ее на рынок – получил пятерку. Простая операция: товар – деньги. А теперь представь: ты литератор. Сделал свою «табуретку», принес на рынок – в издательство то есть. Там ее покрутили-повертели – две ножки отломали. Как идеологически шаткие. Или художественно недоброкачественные. Две оставшиеся взяли, через полгода заключили с тобой договор – выплатили двадцать пять процентов. Спустя какое-то время – еще тридцать пять. Остальные – после выхода книжки. А это – года через полтора. А ты в долгах уже весь, как сукин сын... Хотя многие очень неплохо

живут. Очень даже... Тут ведь индивидуально.

– Дела... – чесал в затылке Гриша. – А я вот помню, года четыре назад у вас же, в «Литературке» вашей, заметка была. Писал какой-то дух, что надо бы за книжки гонорар сразу не выплачивать. Пусть ее сначала читатели оценят, выскажут свое мнение: если толковая – получи сто процентов, а неважная – держи половину. Я тогда подумал: прав мужик. А это что же получается?... Погоди-погоди... Ну а если сам он, допустим, строитель? Сдал дом, так? Жильцы помыкались квартал-другой: между панелями дует, полы рассыхаются, батареи текут. Хоп ему: пятьдесят процентов в зубы – и умойся!.. Как же вы, в своей же газете, пропустили такое?

– Демократия, Гриша, – посмеивался Толя. – Глас народа...

Разговаривали на интимные темы, о женщинах – мужики ведь.

– Как дела-то? – показывал глазами в сторону администраторской Толя. – Есть сдвиги?

– Сегодня поставил вопрос ребром, – сообщал Гриша. – Когда? «Почему, – говорит, – я должна уступать вашей настойчивости?» А чувства? – спрашиваю. – Гриша бил кулаком в широкую грудь. – Чувства надо уважать – нет? «У всех, – говорит, – чувства». У кого это еще, интересно? «Да есть тут... некоторое количество». Давай, говорю, раз так, посчитаем, сколько... на сегодняшний день. Кто и кто конкретно? Покажи...

– Да-а, – поднимал бровь Толя. – Вообще-то, подружку не мешало бы завести. Не такой уж грех, а?.. «Ночью хочется звон свой...» М-да... Но ведь для этого, черт-те... подход надо знать. Слова какие-то произносить. Вот чего сроду не умел.

– Ты?! – изумлялся Гриша. – Да за тобой же... любая! Свистни только. – Гриша искренне убежден был, что у артистов и писателей эта проблема не стоит: баб у них – как грязи.

– То-то, что не любая, старик, – виновато улыбался Толя. – Далеко не любая. Я в данной области, как говорится, тюфяк. Абсолютнейший. Бывает, уже и наедине остаешься. И по глазам видишь: ждет она, что ты ее сейчас... за разные интересные места. Так нет, руки, понимаешь, костенеют. Ну, словно тебе предстоит из человека в козла обратиться. Был-был человеком, и вдруг – м-ме-е-е!

– Темнишь, – качал головой Гриша. – Придуриваешься.

– Как хочешь, старик... Не ты один, кстати. Другие тоже не верят. Наоборот даже – сердцеedom считают. Реабилитируете потом, дьяволы... посмертно.

Так вот и прожили они месяц душа в душу. Расстались друзьями. Писатель на прощание подарил Грише свою книжку. Надпись сделал: «С нежностью»...

...Гриша прочитал книгу в поезде. Проглотил часа за три, не спускаясь с полки. Полежал маленько и вдруг – как уколотый – сел. Треснулся макушкой в потолок вагона. И схва-

тился за голову: «Мать-перемать!...»

Но не от боли схватился. «Как же так, а?... Ведь был человек рядом. Месяц целый!.. Поддавали, братались! О чем говорили-то? О че-ем?! Его же расспросить надо было, выпотрошить: как, куда, зачем? Он же знает! Вот она – книга-то, вот! Ведь тыкаешься, как цуценья мордой! Только пузыри надуваем – мы да мы! А он знает. Чувствуется же!.. Что?! Фиг теперь – раньше надо было. Вот дуб, а! Вот... клык моржовый!...»

Не знаем уж, телепатия тут или что другое, но о том же примерно (он улетал на день позже) думал в самолете писатель.

«Бездарно, бездарно! – качал головой он. – И ведь талдычат отовсюду: новый человек, в корне изменившийся. На экскурсии возят. За круглые столы сажают – толку-то от них, искренности-то. А тут – вот он: голенький, душа нараспашку – кореш! И что же? О чем я с ним? “Пас на пяточок... бабы... сто пятьдесят... сколько в месяц кидают?” Но это же у всех – от и до! Это же одинаковое. А его собственное? Такое, о чем, может, только себе? Господи, да что это за стиль у нас, что за чириканье повсеместное?! Почему? Скользим... как на воздушной подушке... Ай, как бездарно!...»

Бескорыстный Гена

Познакомились мы при следующих обстоятельствах.

У меня потекла раковина в совмещенном санузле. Закапало откуда-то из-под нее. Снизу. Причем довольно энергично.

Я сходил в домоуправление и записал там в большой амбарной книге: дескать, так и так – течет. Примите срочные меры.

А под раковину примостил пока двадцатилитровую эмалированную кастрюлю, купленную в хозтоварах для засолки огурцов.

Я знал по опыту, что слесарь все равно не придет, но совесть моя, по крайней мере, была теперь чиста.

Слесарь, однако, пришел. На следующее же утро. Это был, я думаю, исторический факт в деятельности нашего домоуправления, который следовало отметить большим торжественным собранием и банкетом.

Звали слесаря Гена. Он был невысоким крепким парнем, с широким лицом и открытым взглядом.

Пока Гена стучал в санузел ключами, я варил на кухне кофе и мучился сомнениями. Слесарю полагалось заплатить три рубля – это я знал. Нет, я не суммировал в голове трешки, которые он может насшибать за день, и не скрежетал зубами при мысли, что заработок его получится выше профессорского. Просто мне никому еще не приходилось давать «в

лапу», и я заранее умирал от стыда.

Наконец я решил попытаться оттянуть этот момент, замортизировать его, что ли, и когда Гена вышел из ванной, протирая ветошью руки, я фальшивым панибратским тоном сказал:

– Ну что, старик, может, по чашечке кофе?

Гена охотно принял приглашение.

Не сняв телогрейки, он сел к журнальному столику, заглянул в чашку и спросил:

– Растворимый?

– Нет. Покупаю в зернах и перемалываю.

– О! – сказал Гена. – Как в лучших домах Лондона! А растворимый – барахло. Им только пашок грудничкам присыпать.

Гена оказался интересным собеседником. Он, как выяснилось, служил много лет в торговом флоте, избородил чуть ли не все моря и океаны, побывал и в Гонконге, и в Сингапуре. Особенно красочно Гена рассказывал про то, как гулял, возвращаясь из загранки с большими деньгами. Прямо с причала он ехал, бывало, в лучший ресторан Владивостока – один на шести «Волгах». В первом такси сидел сам Гена, во втором лежал его чемодан, в третьем – фуражка, в четвертом – пальто, в пятом – перчатки. Шестая машина была пустой – на случай, если Гена встретит по дороге хорошего кореша или знакомую девицу.

Потом Гена поинтересовался моими занятиями.

– А ты что, дед, – спросил он, – во вторую смену вкалываешь? (Он называл меня почему-то не «старик», а «дед». Наверное, это считалось более современным.)

Пришлось сказать, что я писатель и работаю в основном дома.

Гена это сообщение воспринял спокойно. Даже не поинтересовался, сколько я зарабатываю. Мои знакомые инженеры спрашивают про гонорар, как правило, на второй минуте разговора.

– Ну вот за эту, допустим, книжку, – говорят они, – сколько тебе, если не секрет, заплатили?

А услышав сумму, наморщивают лбы и так, с наморщенными лбами, сидят уже до конца, подсчитывая, очевидно, сколько же это я зарабатываю в год, в месяц, в неделю и в день.

Гена же только сказал: «Тоже хлеб. Дашь потом что-нибудь почитать», – и этим покори́л меня окончательно.

Расставались мы приятелями.

– Дед, – сказал Гена. – Ты мне не займешь трешку до вечера? Крановщика надо подмазать – он нам трубы обещал из траншеи выдернуть.

– О чем разговор! – заторопился я, доставая из кармана заранее приготовленную трешку. – О чем разговор.

«Ну вот и славно, – подумал я. – Вот само собой и разрешилось».

...Вечером совершенно неожиданно Гена принес деньги.

Я попытался было отказаться от них, но Гена запротестовал:

– Да ты что! Скотина я разве – с корешей брать.

– Кто это был? – спросила жена.

– Представь себе... – Я растерянно вертел в руках трешку. – Утрешний слесарь... Занял у меня денег, я уж думал – с концом, а вот, пожалуйста. Даже обиделся: с друзьями, говорит, не беру... Мы тут, видишь ли, выпили кофе, поговорили по душам...

– О, да ты демократ, – сказала жена.

– Напрасно смеешься! – обиделся я. – Человека не оскорбили чаевыми, не отодвинули от себя сразу – и он сумел это оценить. Вот тебе, кстати, наглядное доказательство.

На следующее утро, в половине седьмого, кто-то позвонил у наших дверей.

Жена, накинув халатик, пошла открывать.

– Там к тебе, очевидно, – сказала она, вернувшись.

Из-за плеча жены возникла честная физиономия слесаря Гены.

– Не разбудил я тебя, дед? – спросил он.

– В самый раз, – малодушно соврал я, кутаясь в одеяло, как индеец. – Только что собирались вставать.

– Кофейку заварим? – улыбнулся Гена. – Вчера с крановщиком поддали – голова трещит, ужас!

Жена принесла нам кофе и обратно ушла на кухню.

Она молчала, но было заметно, что ее не очень радует

столь ранний визит.

От Гены это недовольство не укрылось. Он проводил жену насмешливым взглядом и заговорщически подмигнул мне:

– Видал, как хвостом крутит?.. Ты подвинти ей гайки, дед.

– Да нет, она, в общем, ничего, – заступился я за жену, – она добрая.

– Все равно подвинти, – сказал Гена. – Для профилактики... У меня корень один есть – большой специалист по профилактике. Утром проснется – как врежет своей Мане промеж глаз. Она еще сонная, понял? А он ка-а-ак врежет!.. Та очухается: «За что, Толя?» Молчи, говорит, зараза! Знал бы за что – убил бы!..

Ушел Гена без пятнадцати восемь. Я предлагал выпить по шестой чашке, но он отказался.

– Побегу, – сказал. – А то домоуправ опять хай поднимет.

На второй день Гена заявился ко мне часов в одиннадцать. Жена, слава богу, была уже на работе.

– Дед, – сказал Гена, – я упаду здесь у тебя?

– В каком смысле? – напугался я.

– Ну, брякнусь, – пояснил Гена. – Часа на полтора. В дежурке нельзя – техник застучает. А у меня – веришь? – голова как пивной котел. И ноги дрожат... Ты мне брось какой-нибудь половичок.

Я поставил ему раскладушку. Хотел кинуть сверху матрац, но Гена отказался. Прямо в сапогах он повалился на раскладушку, сказал: «Заделаешь потом кофейку, ладно?» – и

через секунду уже храпел, как целый матросский кубрик.

Я попытался под этот аккомпанемент осторожно стучать на машинке, но скоро вынужден был отказаться. При каждом ударе Гена дико взмыкивал, скрипел зубом и отталкивал кого-то короткопалыми руками. Наверное, Гене снились обступившие его скелеты.

Я пожалел Гену, закрыл машинку и ушел на кухню.

На третий день Гена заскочил ко мне после полудня. Жена на сей раз оказалась дома.

Гена был энергичен, возбужден, глаза его азартно блестели.

– Дед, воды нет! – в рифму сообщил он. – Покрути-ка кра-ны.

Я покрутил – воды, действительно, не было.

– Давай пятерку – сейчас будет! – сказал Гена. – Колодец, понял, засорился. И крышу заело. А мы тут самосвал поймали – зацепим ее проволокой, дернем – и порядок!..

– Да, – задержался он на пороге, – пятерку без отдачи – не обижайся. На общую пользу, дед. Со всего подъезда по двадцатнику собирать – это сколько время понадобится! А самосвал ждать не будет.

Через двадцать минут вода правда побежала. А еще через полчаса вернулся Гена. В руке он сжимал полбутылки «Солнцедара».

– Вмажешь, дед? – спросил он. – Твоя доля осталась... А мне пусть старуха кофейку сварит. Для бодрости.

Пришлось выпить «Солнцедар», чтобы не обижать Гену. Сначала-то я рассчитывал только пригубить, а остальное Гене же и выпоить. Но он даже заикнуться мне об этом не позволил.

– Дед, не придуривайся, – оскорбленно сказал он. – Тебе тут самому мало, а мы уж и так по полторы бутылки засадили...

– Слушай, – задумчиво сказала жена, когда Гена ушел. – Я понимаю, это не очень красиво выглядит, но попробуй занять ему денег. Нет, я не про трешки говорю. Займи сразу побольше – есть такой способ отвязаться.

Так я и поступил.

На другой день, когда Гена заскочил ко мне перехватить рубль, я, отворачивая глаза, протянул ему четвертную – под предлогом, что мелких нет.

Гена исчез на целую неделю, и мы было уже вздохнули с облегчением.

Но в следующее воскресенье я случайно встретил его на улице. На Гене был роскошный японский плащ, пестрый шарфик и кожаная короткополая шляпа.

– Дед! – радостно кинулся он ко мне. – Ты где пропадал? Я два раза уже к тебе заходил – и все мимо. – Он достал из кармана пачку денег и отсчитал двадцать пять рублей. – Держи, пока есть. А то я после премии отгул взял на четыре дня: начну гудеть – тогда пиши пропало.

Я принес деньги домой и молча выложил на стол.

Жена вопросительно вскинула на меня глаза. Я кивнул.
– Это конец! – бледнея, сказала она...

В понедельник жену подозрительно срочно отправили в длительную командировку. Она прибежала домой – собраться, и глаза ее сияли свежо и молодо. Она даже напевала что-то негромко, укладывая чемодан.

Никогда мы еще так легко не расставались.

Я проводил ее в аэропорт и возвращался домой затемно.

На углу моего дома буфетчица вытаскивала из «гадюшника» запозднившуюся компанию. Над дверью «гадюшника» горела лампочка, и в тусклом свете ее я узнал в одном из гуляк Гену. Гена прижимал к груди три бутылки уже знакомого мне «Солнцедара».

На всякий случай я укрылся за телеграфным столбом.

– Ладно, парни, пусть она застрелится! – бодро говорил собутыльникам Гена. – Есть куда пойти... Тут у меня рядом один корень живет – вот такой мужик. Свой в доску. Баба у него, правда, отравя, но он ее сегодня в отпуск проводил...

Я поднял воротник, покрепче надвинул шляпу и пошел ночевать на вокзал.

Игра в откровенность

Оранжево-фиолетовым сентябрьским вечером во двор школы № 148 стекались поодиночке озабоченные родители.

Родительниц не было. Учительница четвертого «Б» класса Алевтина Прокопьевна скликала на этот раз исключительно отцов – и, стало быть, вопрос предстоял нешуточный.

В двух случаях поднимают по тревоге одних мужчин: когда дело пахнет порохом и когда надо срочно решить, по сколько сбрасываться к Восьмому марта.

До Восьмого марта было еще далеко. Значит, запахло порохом.

Покинув различные народнохозяйственные объекты, шагали в школу усталые папаши, не поднимая глаз на пышной осени таинственный багрянец.

Шли в числе прочих и незнакомые пока еще друг с другом родители: Сидоров, Владыкин и Копницкий.

Молодой и бесшабашный папаша Сидоров был раздосадован. Сегодня ихней бригаде подвернулся хороший калым на тарной базе – и это собрание было нужно ему, как собаке пятая нога. Хорошо еще, что ребята вошли в положение, обещали его из доли не исключать. Однако после работы предполагалось, по традиции, обмыть калым – и вот это мероприятие теперь безнадежно ускользало от папаши Сидорова. Правда, ему как уходящему открыли одну из зара-

нее приготовленных бутылок, он принял сто пятьдесят и зажевал чаем. Но одно дело – выпить на бегу, незаработанное, и совсем другое – со всеми вместе, не торопясь, когда чувствуешь, что хорошо повкалывал и семье принесешь, а сейчас в своем праве.

Впрочем, досада папаши Сидорова, ввиду легкости его характера, была неглубокой, мимолетной.

«Воспитатели!.. – с веселой злостью думал он. – Учат их, учат в институтах... с короедами, понял, не могут справиться!.. Ко мне вон, если че, папу-маму не вызывают. Бугор как возьмет за шкурку – не обрадуешься... Даром что институтов не кончал...»

Интеллигентный папаша Копницкий, привыкший мыслить не просто словами, как все люди, а законченными литературными категориями, содержащими обязательный заряд иронии, думал о другом: «Интересно, что еще изобрела наша неугомонная Алевтина Прокопьевна? Какую живинку намерена она привнести в процесс формирования подрастающей смены?.. Ах, избави бог нас и наших детей от учителей-отличников, учителей – передовиков народного просвещения, орденоносцев и чемпионов. Бедные, бедные ребятишки, чьи пятерки – лишь предмет удовлетворения честолюбия наставника и чьи двойки – только досадные препятствия на пути к чемпионскому званию».

Папа Владыкин ни о чем не думал. Угрюмо шагал он сквозь листопад, неся на крутых габардиновых плечах тяже-

лый груз забот ответственного работника. Лишь изредка, когда под его неразборчивой ногой особенно громко всхрустывали пожухлые листья, папа Владыкин вскидывал каменный подбородок, и в мозгу его загоралось единственное слово: «Выпорю!»

Алевтина Прокопьевна, высокая нервная блондинка, со впалыми щеками и вертикальными, навечно воодушевленными глазами, встречала родителей у дверей класса. Было в ее облике что-то старомодное, подвижническое. Так не в первый раз подумалось папе Копницкому, встречавшемуся с учительницей и раньше. Он поздоровался с Алевтиной Прокопьевной за руку и, как старый знакомый, произнес несколько обязательных фраз.

Папа Сидоров, сказав про себя: «Ну и шкыдла!» – боком прошмыгнул в класс и, по давней привычке, отправился напрямиком на «камчатку».

Папаша Владыкин учительницу видел впервые, но, будучи человеком опытным в житейских делах, сразу же определил: «Без мужика колотится бабенка».

Алевтина Прокопьевна начала собрание с традиционного обзора успеваемости. Оказалось, в частности, что сын гуманитария Копницкого – Игорь, лучший в классе литератор, наследственно хромает по арифметике, а способный, но хулиганистый Петя Сидоров учится либо на пятерки, либо на единицы и середины не знает.

При этом папа Сидоров сморгнул зелеными глазами, а па-

па Копницкий слегка приподнял плечи: дескать, увy-увy – прискорбно, но факт!

Про ровно успевающего Борю Владыкина учительница ничего худого сказать не могла, но папе Владыкину крышка парты больно врезалась в живот, и он мрачно подумал: «Выпорю».

– А теперь, товарищи родители, – сказала Алевтина Прокопьевна, – я должна сообщить вам тревожную вещь: дети становятся нехорошими! – Тут она слегка заломила руки и так, с заломленными руками, пружинисто прошлась туда-сюда вдоль доски. – Да! Нехорошими!.. Они курят и ругаются скверными словами! Недавно Петя Сидоров... – Алевтина Прокопьевна сделала паузу и поискала глазами незнакомого родителя Сидорова. Но не нашла. – Петя Сидоров пришел в школу, пропахший табаком, как... я не знаю кто... А когда наши девочки сделали ему замечание, он их так назвал, так назвал!.. Я даже мысленно не могу повторить этих слов!

«Вот суконец! – изумился папаша Сидоров. – А я-то на бабу грешил. Думал, это она сигареты у меня ополовинивает, чтоб меньше курил...»

– Дурные примеры, как известно, заразительны, – продолжала учительница. – Петя Сидоров оказался не одинок. Я поставила себе целью узнать, кто еще из ребят курит или ругается, – и кое-что выяснила.

И Алевтина Прокопьевна, помолодев глазами – поскольку

речь зашла о ее педагогической находчивости, – принялась рассказывать хмуро слушавшим ее родителям про свой эксперимент.

В воскресенье она повела ребят на экскурсию в березовую рощу. Там дети собирали гербарий, упражнялись в устных описаниях осеннего леса, играли. И когда переиграли во все известные игры, а домой идти еще не хотелось, караулившая этот момент Алевтина Прокопьевна, как бы между прочим, предложила им совершенно новую игру – в откровенность.

«Неужели раскололись?» – замер с приоткрытым ртом папа Сидоров.

«Ай да Алевтина! – язвительно усмехнулся папа Копницкий. – Ай да новаторша! О таком бы опыте – да в “Учительскую газету”... Интересно, сама она им тоже все откровенно говорила? Например, что затеяла эту игру с целью выявления злокачественного элемента?..»

– В общем, курят и ругаются еще, как они сами сознались, Боря Владыкин и – что я никак не ожидала – Игорь Копницкий...

«Тьфу, салаги!» – расстроился папа Сидоров.

«Выпорю!» – окончательно решил задыхающийся в тисках парты папа Владыкин.

Один Копницкий принял сообщение спокойно. «Ну что же, – раздумчиво поднял он глаза к потолку, – Игорехе сейчас одиннадцать. Сам я попробовал это зелье в семь лет. Или в шесть?.. И выражения, разумеется, знал. Правда, не про-

износил. Да они все уже их знают. Разница в том, что один произносит, а другие нет».

– Я только прошу вас, товарищи, – говорила между тем Алевтина Прокопьевна, – не принимать пока никаких решительных мер. Постарайтесь даже не показывать детям, что вы про все это знаете. Будем действовать исподволь. Мы тут, со своей стороны, кое-что уже организовали. – Она интригуяще подняла брови. – Зеленый патруль! Так мы его условно назвали. В общем, это специально выделенные дежурные, которые на переменах прислушиваются к разговору тех, кто... ну-у... ненадежен. И затем докладывают мне лично.

У папы Сидорова отпала челюсть.

«Во дает баба! – ахнул он. – Шпионов приставила! Надо же!»

Папа Владыкин почувствовал себя ограбленным. У него было такое ощущение, будто кто-то вдруг вырвал из его занесенной руки карающий ремень.

Ироничный папа Копницкий впервые за все собрание растерялся. Он судорожно пытался решить задачку на морально-этическую тему со многими неизвестными. И никак не мог...

В тот же вечер молчаливый ужин в семье Владыкиных закончился столь же молчаливой поркой. Помня наказ Алевтины Прокопьевны, папа Владыкин действий своих не объяснял.

Не подвел учительницу и родитель Сидоров. Он только

сказал жене:

– Зашей этой цаце карманы.

Что послушная его Маруся тут же и выполнила.

У Копницких дело обошлось вовсе без эксцессов. Озадаченный папа весь вечер обсуждал с мамой абстрактную проблему этичности отдельных методов школьного воспитания. Обсуждали они ее громко: в демократичной семье Копницких принято было ничего не скрывать от ребенка. Конкретных имен, правда, родители не называли, заменяя их такими оборотами, как «допустим, некая учительница некоего четвертого класса...»

На другой день в школе № 148 произошло ЧП. Во время большой перемены был жестоко поколочен и вывалян в грязи «зеленый патруль» в составе отличниц учебы – Пупыкиной и Бяжиной.

Алевтина Прокопьевна протрубила новый сбор родителей.

Агенты-элементы

Зашел ко мне в одно из воскресений сосед, Сысоев Иван Матвеевич. Задал странный вопрос:

– Яковлич, когда писателя работают?

Я, признаться, вздрогнул. И смешался. Поскольку сам последние месяца два ни черта не работал, а только маялся из-за того, что не работаю, этот вопрос прозвучал для меня не вопросом, а укоризной: дескать, вы, сукины дети, работаете когда-нибудь вообще-то?..

– То есть? – спросил я.

– Ну вот – когда: ночью сочиняют или с утра садятся?

– А-а! – У меня отлегло от души. – Это кто как. Некоторые ночью, а некоторые с утра. Тут, Иван Матвеевич, все индивидуально. Я, например, по утрам... стараюсь. А в чем дело-то?

– Опростоволосился я, похоже, Яковлич, – вздохнул Иван Матвеевич. – Так опростоволосился...

И Сысоев рассказал мне свою историю.

Иван Матвеевич пристрастился последнее время ходить в баню. И не только из-за пара. Веничком постегаться он, вообще-то, любил, но с возрастом у него голова перестала сильный пар выдерживать. Тело еще просит, а голова не держит. Так что корни этой страсти глубже лежали.

Сысоевы с год назад в город переехали – из районного центра. Как Иван Матвеевич на пенсию вышел, так они свой

домишко обменяли на однокомнатную квартиру – поближе к детям. И здесь, в большом городе, Иван Матвеевич затосковал. Старухе-то проще – ей на день внучат подбрасывают. А Иван Матвеевич затосковал. Собственно, не затосковал, не то слово – растерялся как-то. Выйдет на улицу, глянет кругом – все люди одинаковые. Вроде и разные – одеты, обуты, причесаны по-разному – но одинаковые. То есть они так одеты и обуты, что не отличишь: кто из них богаче, кто беднее, кто начальник, кто рядовой. Идет, допустим, навстречу человек – Иван Матвеевич силится угадать, кто он такой, и не может. То ли кандидат наук, то ли слесарь выходной, то ли, не приведи бог, жиган какой-нибудь.

У себя в райцентре Иван Матвеевич почти всех не только на лицо помнил, но даже знал, кто чем дышит. И хотя там люди тоже одевались не так, чтобы один, допустим, в поддевке, а другой во фраке, у Ивана Матвеевича никогда подобного чувства не возникало. А здесь он растерялся. Не знал даже, как ему к людям обращаться. Окликнешь: «Эй, паренек!» – а он, может, Герой Труда или депутат Верховного Совета. Сунешься: «Дорогой товарищ!» – а он вдруг интуист. Из капиталистической державы.

Вот Иван Матвеевич и повадился – в баню. Сначала-то он раз в неделю ходил, по старой привычке, а когда обнаружил, что в бане ему легче, понятнее, – зачастил.

А в бане действительно все проще оказалось. Заходят, к примеру, двое парней. Оба в дубленых полушубках, при

портфельчиках, волосы из-под шапок длинненькие. Кто такие – бес их душу разберет. Начинают, однако, раздеваться. Иван Матвеевич наблюдает. Сняли полушубки – под ними одинаковые пиджаки, с блесткой. Пока, значит, туман. Скинули пиджаки, остались в шерстяных рубашках, без галстуков. Это Ивану Матвеевичу тоже пока ничего не говорит: в городе галстуки не шибко любят, даже люди солидные – руководящие или ученые. Растелешились парни окончательно – и сразу полная ясность: у одного на каждой коленке по знаку качества вытатуировано, а у другого поперек ляжек надпись: «Они устали».

И все. Можно в отношении этих парней самоопределиться. Уже знаешь, как с ними разговаривать.

– Сынок, а сынок, – начинает Иван Матвеевич, – что-то низковато значки нарисовал! Надо бы чуток повыше. У тебя там есть где.

Рядом сидящий мужчина, тоже пожилой, вроде Ивана Матвеевича, подхватывает:

– Дак, может, у него там пока только количестворосло. А с качеством еще слабовато.

Парень видит, что с ним по-доброму, не обижается, скалит зубы. Слегка даже застенчиво скалится: что, мол, поделаешь – дурак.

Попробовал бы Иван Матвеевич вот так вот снисходительно пошутить с ним одетым – когда он в дубленке своей, в заграничном пиджаке с блестками, в модных ботинках на

высоких каблуках. Иван Матвеевич, был случай, раз вякнул. В магазине, в очереди за пивом. Ох, как его отбрили тогда. «Иди, – сказали, – пахан, воруй!..»

А здесь ничего. Здесь все голые, все мужики, хотя и далекие друг от друга по возрасту.

Дружок «качественного» тоже ухмыляется и прикрывает надпись веником. Самому, наверное, смешно: какого там, клешему, «они устали» – такими ногами мировые рекорды бить можно!

Ивану Матвеевичу делается хорошо, душевно.

– Идите, ребята, – разрешающе подмигивает он парням. – Похлещитесь. Там мужики добренько наподдали – аж волосы трещат.

Или другой случай. Заходит мужчина. В годах, солидный, с начальственной замкнутостью на лице. Между прочим, тоже в дубленке. Начинает неторопливо раздеваться, ни на кого не глядит и локтями старается не касаться. Вернее, глядеть-то глядит, да не видит. Так посмотрит, будто нет тебя, будто вместо тебя стекло прозрачное.

Иван Матвеевич ждет: «Давай-давай, гражданин хороший... Счас увидим, что ты за птица».

Разделся мужчина – и вот он уже для Ивана Матвеевича весь как на ладони. Под правым соском шрам резаный. Только не скальпель здесь прошелся, а осколок – Иван Матвеевич умеет отличить. И ноги мелко посечены в нескольких местах.

– Где же это тебя, полчок, так поклевало? – спрашивает Иван Матвеевич.

Мужчина догадывается, о чем речь, косит глазом вниз, на собственную грудь. Ему уж давно шрам без зеркала не видно: грудь большая, рыхлая, курчавым седым волосом поросла.

– В Белоруссии, – говорит он. – Под Витебском... Мина.

– Вижу, что не курица, – кивает Иван Матвеевич. – Пехота?

– Она. Царица полей. – Мужчина внимательно смотрит на Ивана Матвеевича. – Тоже, гляжу, отметился?

– А как же. Первый раз под Москвой, последний – под Будапештом. Песню слышал, поди: «А на груди его светилась медаль за город Будапешт»... Вот там мне и засветило.

– Да-а, – качает головой мужчина. – Там засвечивали...

Ему уже пора идти, он все приготовил – мыло, мочалку, веник, – но не уходит. Поставил таз на колени, сидит, мелко головой кивает каким-то своим мыслям и опять в сторону смотрит. Только не прежним твердым взглядом, а добрым, оттаявшим.

– Ты в каком звании закончил? – спрашивает он Ивана Матвеевича.

– Старший сержант.

– А я рядовой. Не дотянул до генерала, – усмехается мужчина. – Всего полгода повоевал... Зато потом полтора года на костылях прыгал. Да-а... Ну, как там сегодня? Есть па-

рок-то?

– Иди погрейся, – говорит Иван Матвеевич. – Я маленько продышусь да, может, еще разок слажу. Подряд-то тяжело голове. Не держит.

Мужчина уходит, а Иван Матвеевич смотрит ему вслед и думает про себя: «Вот жизнь... К одетому-то небось на кри-вой козе не подъедешь. А разделся – и пожалуйста: свой мужик. Солдат. Окопник. Крученный, моченый, с редькой тер-тый...»

Короче, прижился Иван Матвеевич в бане, полюбил ее. Он вообще пришел к выводу, что городской человек только здесь и настоящий, в той цене, которую ему природа и жизнь определили. А на улице он тряпками завесится, форсу на себя напустит, идет – не дышит. Хотя, может быть, у него пузо сбоку и вместо души пятак.

Не исключено, что Иван Матвеевич несколько идеализи-ровал баню. Но что подделаешь, если он находил здесь опре-деленные, бесспорные преимущества.

Так, например, в бане не воровали. Хотя закрывающих кабинок не было, а были, по-современному, открытые со-ты-ячейки. Выбирай любую, складывай одежонку. По пер-вости Иван Матвеевич еще опасался. Надевал что попроче: старые галифе, сапожишки стоптанные, пиджачок лос-нящийся. Лишний рубль, на пиво припасенный, под стельку незаметно прятал. А потом видит – народ смело держится: одеты все нормально, часы на глазах друг у друга снимают

и спокойно кладут в карманы (а брюки-то в раздевалке остаются висеть, с собой в мойку их никто не берет), за веники с банщицей рассчитываются – кошельки открыто достают. Иван Матвеевич стал тогда тоже надевать в баню лучший свой, единственный костюм. И часы дома больше не оставлял. Ему приятно было – когда кто-нибудь вдруг спрашивал: «Мужики, а сколько время? Кто скажет?» – раньше других вынуть часы и, далеко, видно отставив их от глаз, сообщить: столько-то, мол.

Он даже на примере бани самодеятельную теорию развил – относительно положительных изменений в нашей жизни. У него дома имелась пластинка, еще довоенная, с рассказом Михал Михалыча Зощенко «Баня». Так в той, ранешней бане, описанной в рассказе, можно было не только со штанами распрощаться – там шайку могли из-под носа свободно утянуть. И в сравнении с зощенковской теперешняя баня казалась Ивану Матвеевичу прямо островком наглядности – наглядности того, как выросло благосостояние людей и окрепла их сознательность.

Его, правда, другой, тоже самодеятельный, теоретик пытался как-то охладить. Ленивый такой детина с вершковой челюстью, похожий на одного киноартиста, который все бандитов играет. Это потому здесь все такие честные, объяснил он, что теперь центр воровства переместился из бань. Именно по причине возросшего благосостояния. Воры, дескать, тоже стали побогаче, не мелочатся. Ну что он тут возьмет?

Костюм? А на кой он ему сдался? Сюда же люди хоть и не в тряпье одеваются, но и не как в театр, допустим. У него этот костюм даже на портянки не купят – теперь портянок не носят.

Что еще? Часы? Сколько они стоят? Двадцать восемь рублей? Ну, вот – двадцать восемь... новые. А за старые ему от силы пятерку дадут. Да еще не дадут, побоятся связываться.

– Так что, папаша, – подвел итог детина, – философия твоя на песке... А ты вот попробуй приди сюда в американских джинсах. Которые двести рублей на толкучке стоят. Попробуй заявись – и пойдешь домой с голой женой. Засверкаешь.

Иван Матвеевич удивился: это что же за штаны такие, что двести рублей стоят?

– Да вот студент как раз снимает, – показал детина. – Вон, гляди, с нашлапкой на заднице.

И тут оказалось, что на песке-то его собственная философия.

Студент не снимал штаны – надевал. Значит, они провисели здесь часа полтора – и никто их пальцем не тронул. Вдобавок студент достал из кармана своих двухсотрублевых штанов стовосьмидесятирублевые электронные часы на золотом браслете.

Детина, наблюдавший эту сцену, только крякнул. А Иван Матвеевич не стал его добивать, проявил великодушные победителя.

...Довольно долго длилась эта идиллия. И, возможно, не прервалась бы вовсе, если бы не толкнулась в голову Ивана Матвеевича одна неприятная мысль.

Сидел он как-то в раздевалке, отдыхал после парной, промокаясь полотенцем, поглядывал вокруг. А посмотреть было на что. Рядом компания молодых парней расположилась, чем-то очень похожих друг на друга: здоровые все, белокожие, в меру откормленные, спины, плечи, шеи – как из мрамора высеченные. Иван Матвеевич у внука в учебнике по истории картинку видел, называлась она «Борьба богов и титанов». Так вот, очень эта компания напоминала тех мужиков, с картинки. Только что не боролись – анекдоты рассказывали. И ржали на всю баню.

Смотрел на них Иван Матвеевич, смотрел и чего-то подумал: «А ведь сегодня вроде четверг...» И машинально уточнил вслух:

– Ребятки, у нас сегодня что? Четверг?

– Четверг, дядя, – ответили ему.

Да, был четверг. Будний день. Первая половина. Ивана Матвеевича вдруг охватило беспокойство. Пока еще смутное, неотчетливое. Он обшарил глазами раздевалку. Заметил в дальнем углу дряхлого старичка, изувеченного грыжей. Еще двое в соседнем ряду беседовали, да через проход какой-то дедок тесемки у подштанников развязывал. Ну, эти, ясное дело, пенсионеры – у них свободное время ненормированное... Иван Матвеевич в мойку прошел – там насчи-

тал пять человек преклонного возраста. Остальной же народ был строевой, крепкий, мускулистый, сытый, не заезженный пока работой и годами не сгорбленный.

Иван Матвеевич вспомнил, что так же было в прошлый раз, и в позапрошлый, и во все прочие дни. В бане хозяйничали главным образом молодые люди. Хозяйничали умело. Знали, как поднять пар, чего примешивать в воду для духа, на полок лезли в круглых войлочных шапках, в рукавицах. Парились не по-мужицки – когда один раз, но до кровавых полос на теле, пока веник в голик не превратится, – а со вкусом, с передышкой, медленно доводя организм до сладкой истомы.

Иван Матвеевич значения этому не придавал. Просто не задумывался как-то. Пока не кольнула его вот эта самая мысль: «А день-то ведь будний...»

С тех пор и заползла ему в душу отравка. Он приходил в баню, убеждался, что контингент опять тот же, и удрученно думал: «Черт возьми!.. Это что ж делается, а? Рабочих рук не хватает, по городу кругом объявления висят: там требуются, там требуются...» Про сельскую местность ему даже вспоминать больно было. У них в райцентре, в ремонтных мастерских, где сам Иван Матвеевич протрубил пятнадцать лет, работали в основном пэтэушники – пацаны-допризывники с куриными шеями. А здесь... Полбатальона ядреных, в самом соку мужиков веничками машут. Белым днем!.. А если в масштабе города взять? Перемножить на все бани?

Армия!

Иван Матвеевич недоумевал. Что за люди? Кто они?.. Посменно работают? Ночью у станка отстоит, а днем в парную?.. Попадались и такие. Иван Матвеевич узнавал их по усталым лицам, по кругам под глазами. Догадывался: отломали мужики ночную, теперь расслабляются. Но сколько по-падалось-то? Два-три человека, не больше... Спортсмены?.. Забегали спортсмены – лишний вес согнать. Хотя Иван Матвеевич не понимал, почему они свои излишки днем сгоняют. Днем-то небось и спортсмены где-то работают. Или учатся. Ну, ладно – пусть днем. Так ведь и спортсменов по пальцам сосчитать можно было. И даже не пришлось бы для этого раз-зывать.

А остальные? Гладкие, свежие, уверенные в себе... Еще бы ладно, мойся они нормально, сколько человеку положено: отшлифовал веником задницу, голову намылил, под душем ополоснулся – и хорош. Так нет, часами сидят. Бутерброды из портфелей достают, рыбу вяленую, пиво. В карты играют, сволочи! В преферанс. Сгоняют кон, в парной похлещутся и снова – четыре сбоку, ваших нет.

Иван Матвеевич прямо озлобляться начал. Ловил себя на том, что сидит и, сцепив зубы, думает: «Вот бы где облаву-то устроить. Оцепить милицией, повыудить этих сазанов... Где же вы, спросить, милые, ряшки-то поотожрали?..»

В конце концов он не выдержал – заговорил с одним таким. Заговорил, конечно, нехорошо – что греха таить... А

человек этот, которого Иван Матвеевич себе наметил, выделялся среди других: молодой, из себя красавец, плечи широкие, в поясе тонкий, живот ровными брусочками выложен, ноги длинные, мощные, посильнее, однако, чем у того парня татуированного. Но не спортсмен. Лицо больно вдумчивое, а волосы, наоборот, легкомысленные – до плеч. И зачесаны размашисто, как у артиста на открытке.

Вот Иван Матвеевич с ним рядом и подсел.

– Интересная жизнь получается... – с ехидцей начал он.

– Вы ко мне? – повернулся длинноволосый.

Ивана Матвеевича передернуло. Смотри ты: «Ко мне!» В кабинете он, понимаешь, сидит. Трудящихся принимает...

– Интересная жизнь, говорю! – возвысил он голос до звона. – Четыре часа в баньке прохлаждаемся, три часа потом в пивной сидим, час туда-обратно на дорогу – рабочий день долой. Ловко! – Он сам изумился полученному результату. – Ловко выходит!..

– Не знаю, – пожал плечами длинноволосый. – Я пива не пью, мне нельзя.

– Ну, конечно, тебе нельзя, – издевательски посочувствовал Иван Матвеевич. – Ты же больной. Сразу видно – чахоточный.

– Вы!.. – сказал человек возмущенно. Он смотрел на Ивана Матвеевича растерянными глазами. Ничего не понимал.

Но сидевший напротив мужчина, с мятым лицом и прозрачными нагловатыми глазами, кажется, догадался, что к

чему, раскусил Ивана Матвеевича.

– Что, папаша, – заговорил он, – тунейдцев ловим? Собственная инициатива или по линии профсоюза?

– Тебе-то что? – окрысился Иван Матвеевич.

– А то, – сказал мужчина. – Товарищ, которого вы в данный момент атакуете, не тунейдец. Далеко не тунейдец, смею вас заверить. Он, дорогой папаша, солист балета. И, между прочим, заслуженный артист республики. А также, между прочим, депутат районного Совета.

Ивана Матвеевича прошиб второй слой пота: под горячим холодный выступил. Едрит твою в колено! – так вбухаться. Боялся одетого депутата зацепить, а напоролся на голого!..

Длинноволосый встал и быстро прошел в моечное отделение.

Иван Матвеевич смотрел на мятого мужчину – дурак дураком.

Тот смеялся глазами: наслаждался, змей, произведенным эффектом.

Иван Матвеевич все же обрел себя. Решил, что сразу-то сдаваться несолидно.

– Так, – сказал. – Депутат?

– Депутат, – подтвердил мужчина.

– А эти? – Иван Матвеевич кивнул в сторону. – Тоже все депутаты? У них здесь что, выездная сессия?

Мужчина захохотал.

– Остроумно, остроумно! – похвалил он Ивана Матвееви-

ча. – Нет, конечно, не все депутаты. И тем не менее я вас разочарую. Вон, видите того, усатого? Писатель. Предпочитает работать по ночам. Такая у него привычка. Манера такая. Ну а днем... почему бы здесь не отдохнуть? Как говорится, думали-гадали, куда пойти – в театр или в баню, – выбрали что подешевле. (У писателя была настолько пропитая рожа, что Иван Матвеевич крепко усомнился в характере его ночной работы. Но смолчал.) Подальше, – продолжал мужчина, – четверо молодых людей – музыкальный квартет «Трубадуры». Очень известный. Вроде «Песняров». Не слышали? Ну как же! Они часто по телевизору выступают... По второй программе... Этот, что с веничком в парную направился, – к сожалению, мы видим сейчас не самую талантливую часть его тела, – знаменитый спортсмен. Шахматист. Гроссмейстер...

Иван Матвеевич хотел спросить: «А ты кто такой, что про всех знаешь?» – но мужчина опередил его:

– Вижу, вас заинтересовала моя осведомленность. Вы хотите узнать, кто я. Ну что же... – Он наклонился к Ивану Матвеевичу и серьезно сказал: – Сам я – шпион... Агент иностранной разведки. Прячусь здесь от органов. Очень удобное место: все голые – трудно узнать. Да-с... все наги и обтекаемы, яко осетры...

– Тьфу! – вскочил Иван Матвеевич. – Тьфу, паразиты! Все вы тут... агенты-элементы! Гадье, в душу вас! Придурки!..

Он ушел домой до крайности возмущенный, обиженный,

и дал себе слово: в баню больше ни ногой. Чтобы не видеть мордovorотов этих, сволочей, захребетников...

Но дома Иван Матвеевич мало-помалу успокоился, отмяк – и засомневался: а может, этот, с поношенной физиономией, только про себя заливал? А про других все правда? Ведь если он про всех сочинил, то надо тогда взрывать эту баню динамитом. К чертовой матери.

Вот с такими сомнениями Иван Матвеевич и появился ко мне. Пришел узнать: когда работают писатели? И может ли такое быть, чтобы длинноволосика в депутаты избрали? И вообще – сориентироваться пришел.

Я успокоил Ивана Матвеевича как сумел. Сказал, что в миллионном городе все может быть. Много есть профессий, не привычных для простого понимания. Существует также значительная прослойка людей свободного труда. Опять же, одними отпускниками можно враз все бани заполнить. Я даже вспомнил знакомого длинноволосого депутата. Правда, он был не артистом, а токарем с инструментального завода.

Потом мы еще хорошо пофилософствовали, опираясь на теорию относительности и закон перехода количества в качество. Дескать, там, где народу вообще больше, всяких людей больше – как приличных, так и дерьма разного, прохвостов. Надо про это спокойно знать и не отчаиваться. Главное, все равно хорошие преобладают – и среди одетых, и среди голых.

Так мы поговорили с Иваном Матвеевичем, но, когда он

ушел, я подумал, что облаву-то все-таки не мешало бы устроить. Черт его знает, действительно, многовато развелось каких-то подозрительно сытых, уверенных и нахальных типов. И должности какие-то странные повозникали, когда можно среди бела дня в бане потеть, а зарплата между тем будет капать.

Впрочем, возможно, я потому так подумал, что у меня вот уже два месяца не клеилась работа и мне на самого себя хотелось устроить облаву...

Унылая пора

Как Худяков ни старался подгадать к самому началу собрания – даже выкурил за углом школы подряд две сигареты, – он все-таки пришел раньше назначенного срока.

В школьном коридоре он увидел исключительно одних только женщин. Они стояли вдоль стен, возле подоконников, друг с дружкой не разговаривали, а лица у всех были почему-то некрасивыми, замкнутыми – так Худякову показалось.

Дамы его, конечно, сразу заметили – как единственного мужчину. Десятка два напряженных взглядов скрестилось на Худякове – он даже остановился растерянно и прижмурил глаза, почувствовав себя так, будто пришел сюда отдуваться за всех неявившихся папаш, за все преступное отцовское разгильдяйство.

Возможно, Худяков вошел бы в школу по-другому, как говорится, с поднятой головой, если бы сын его Витька числился круглым отличником или, по крайней мере, твердым хорошистом. Но Худяков был заранее сориентирован, что идет на собрание краснеть.

Жена Зинаида прямо так и заявила:

– Сходи – покрасней. А моих сил нет больше. Мне там на других родителей глаза поднимать стыдно.

Слава богу, Худяков ненадолго приковал к себе всеобщее внимание. В другом конце коридора показалась классный

руководитель Вероника Георгиевна; мамыши враз колыхнулись от стен, окружили ее, засемили рядом, жадно заглядывая в глаза...

Худяков занял место на последней парте, схоронившись за широкую спину и пышно взбитую прическу чьей-то крупной мамыши. Он не знал, какие бывают родительские собрания, и опасался, что вот сейчас учительница выкликнет его фамилию, возможно, даже поставит у доски и начнет конфузить за неспособного сына в присутствии этих строгих женщин.

Ничего подобного, однако, не случилось. Вероника Георгиевна достала из портфеля стопку тетрадей и заговорила о результатах последнего сочинения.

Сперва она назвала отметки, начиная с худших и двигаясь к лучшим. Имя Вити Худякова мелькнуло сразу после немногочисленных двоечников. На этот раз он получил тройку. Нетвердую, правда. С грехом пополам натянутую.

Но в общем Вероника Георгиевна сказала, что классом она довольна. Большинство ребят справились с темой, а некоторые прямо-таки порадовали ее своими успехами.

– Зачитаю несколько образцовых сочинений, – сказала Вероника Георгиевна. – Возьмем, например, Люсю Сверкунову... Ну, что тут можно сказать? Умница девочка. Старательная. Вот послушайте, как она пишет...

Худяков поерзал на парте – добросовестно приготовился слушать.

Задание у них, оказывается, было – написать про осенний лес, и называлось сочинение поэтому «Унылая пора, очей очарованье...»

Люся Сверкунова, правда, очень красиво обо всем написала: «Лес осенью стоит печальный, словно бы умирающий... Деревья роняют свой пышный наряд... Серебряная паутина блестит на солнце, едва пробивающемся сквозь мгlistые облака...» – и так далее.

«Есть же дети у людей, а!» – позавидовал Худяков и стал оглядывать сидящих в классе женщин, пытаясь угадать – которая же из них счастливая мама Сверкунова.

«Да вот же она!» – сообразил наконец Худяков.

Мама Люси Сверкуновой – та самая дама, за спину которой он прятался, – сидела перед ним с полыхающими от гордости ушами и бисеринками пота на круглой шее.

Вероника Георгиевна огласила между тем следующее сочинение.

И это показалось Худякову ничуть не хуже первого. Было в нем сказано и про ковер листьев, и про паутину, и про мгlistые небеса. Не так ловко сказано, как у Люси Сверкуновой, но тоже хорошо.

Видать, учительнице самой очень нравились эти сочинения. Она читала с выражением, вскидывала тонкие брови, округло поводила полной рукой и с особым нажимом произносила слова «золотой», «печальный», «серебряный», «пышный», «багряный».

После пятого, может быть уже шестого, сочинения Вероника Георгиевна остановилась, негромко сказала: «Ну, вот так», – положила ладони на тетради и с улыбкой опустила глаза, как будто в ожидании аплодисментов.

Родители сидели примолкшие, не шевелились.

Тогда Худяков, смущенно кашлянув, поднялся.

– Так, может, это... – сказал он, – в порядке, может, сравнения... Для товарищей вот... которые отстающие...

– А вы, наверное, папаша Худякова? – живо спросила его учительница.

Худяков кивнул.

– Очень хорошо, – сказала Вероника Георгиевна. – Тогда я Витино сочинение и прочту.

«Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, – писал Худяков-младший, – больше всех времен года любил осень. Он говорил про нее: “Унылая пора, очей очарованье, приятна мне твоя прощальная краса...”».

Худяков позабыл сесть и слушал стоя, переминаясь с ноги на ногу.

«Я тоже больше всего люблю осень...» – шпарил дальше Витька.

«Ай, стервец нахальный!» – хмыкнул Худяков.

Но то, что Витька сочинил дальше, ему неожиданно понравилось.

«Осенью лес совсем не мертвый, а только притаившийся, – писал Витька. – Подо мхом, например, сидят притаив-

шиеся грибы: рыжики и грузди. Опавшие листья тоже как притаившиеся бабочки: лежат себе неподвижно, а ногой заденешь или ветерок подует – тут же вспорхнут и перелетят немножко. А если лечь на живот и разгрести желтые листья, то можно увидеть, как под ними в других, почерневших, листиках закапываются на зиму жучки и букашки». А вот зачем пауки именно осенью плетут так много паутины, ему, Витьке, непонятно – ведь мух и комаров уже нет, ловить некого.

Худяков, пока учительница читала, несколько раз кивнул головой, соглашаясь про себя: «Хорошо... Верно... Ты смотри-ка – точно...» И когда она закончила чтение, он опять не сел, а забывчиво продолжал стоять, глядя мимо Вероники Георгиевны.

Некоторые родительницы уже досадливо заглядывались в его сторону: дескать, ну что тут неясного? А Вероника Георгиевна вдруг густо покраснела и, за что-то обижаясь на Худякова, заговорила:

– Я понимаю, конечно, что вы хотите сказать. Да, Виктор по-своему изобразил лес. За это я и сочла возможным поставить ему тройку. Но, во-первых, он допустил две грубые ошибки. А во-вторых, что самое главное, – сочинение-то у нас было на использование эпитетов. Эпитетов, понимае-те? – Вероника Георгиевна подошла к доске и, сердито стуча мелом, даже выписала столбиком эти эпитеты: «Золотой, серебряный, мглистый, багряный, пышный...» – Видите?.. А

Виктор ухитрился ни одним из них не воспользоваться!

— Извините, — пробормотал Худяков, и спина его мгновенно взмокла. — Раз на эпитеты — тогда конечно... Само собой... Извините. — И сел как оплеванный.

Какая-то женщина, явно жалея Худякова, вздохнула:

— Ох, да ведь они, негодники, на уроке-то ворон считают, вместо того чтобы учительницу слушать...

После собрания родительницы снова окружили Веронику Георгиевну.

Худяков не стал задерживаться.

Похорошевшие мамы отличников провожали его теперь сочувственными, даже приветливыми взглядами...

На улице моросило.

Худяков поднял воротник плаща и закурил.

Домой ему до смерти не хотелось.

Дома предстояло снимать стружку с оболтуса Витьки.

Худяков понимал, что как родитель он обязан держать сторону красивой и умной Вероники Георгиевны. Что если он не будет держать ее сторону, то нарушится какой-то извечный порядок вещей, случится, возможно, беда и катастрофа.

Но тихий Витькин лес стоял у него перед глазами, а золотые и серебряные сочинения начисто стерлись, вместо них вспоминались только вскинутые брови Вероники Георгиевны. И была во всем этом какая-то смутная неясность.

Дома жена Зинаида спросила:

– Ну что?

– А-а! – махнул рукой Худяков. – Тройка. С натяжкой... У них там, видишь ли, сочинение было на использование эпитетов. Ну а он не использовал.

– Не выучил опять, что ли? – дернула шеей Зинаида.

– Да чего там учить. Они все на доске написаны были. Гляди только.

– Иди сюда, мучитель! – крикнула Зинаида.

Витька вышел из соседней комнаты: тощий и носатенький, одно плечо выше, спортивные штаны на коленях – пухляками.

– Долго ты из меня душу мотать будешь? – с подступающими рыданиями спросила Зинаида. – Ты посмотри на мать! У людей дети как дети...

Худякову стало жалко Витьку до щекотки в носу. Но надо было сказать отцовское слово, поддержать жену Зинаиду – одна ведь колотится с парнем. «Надо поддержать», – тоскливо подумал он и, кашлянув, как тогда в школе, сказал:

– Зато, мать, он у нас Пушкин, Александр Сергеевич... Я, говорит, да Пушкин. Мы, говорит, с ним двое осень очень любим... А Пушкин-то небось ворон на уроке не считал! – прикрикнул он, невольно распаляясь. – Ну, чего молчишь?! Считал Пушкин ворон?!

– Не считал, – уныло протянул Витька, глядя в сторону.

– Во!.. А тебе же, дубине, на доске все написали! На, Витенька, перенеси в свою тетрадку!.. Ты, может, видишь пло-

хо? Слепой, может? Отвечай!

– Не слепой, – опустил голову Витька.

– Ну что с ним делать, отец? Что?! – заламывала худые руки жена Зинаида...

Ночью Худяков не спал.

На душе у него было муторно.

Условный французский сапог

Приехал к нам в гости наш деревенский родственник – зять Володя. То есть не совсем деревенский: он в небольшом горняцком поселочке живет, работает то ли маркшейдером, то ли еще кем-то. Но местность у них там деревенская.

Мы по этому случаю собрали вечеринку, решили ввести Володю в круг своих друзей, с интересными людьми познакомиться. Немного, конечно, волновались: как-то он впишется в нашу компанию? Хотя бы внешне. Не будет ли чувствовать себя белой вороной?

Володя, однако, переоделся к ужину и появился среди гостей, как денди лондонский. Куртка на нем оказалась замшевая, белая водолазочка из чистой шерсти, брюки польские «Элана», лакированные туфли. Вдобавок Володя оглядел наш, прямо скажем, не королевский стол: водочку в графине, настоящую на лимонных корочках, вино «Анапу», пошехонский сыр, – прищелкнул пальцами, как бы говоря: «Минутку, братцы», открыл свой чемодан и достал штоф «Петровской», бутылку настоящего шотландского виски «Клаб 99» да баночку сосьвинской селедки.

Так что смутились в результате наши гости. Смутились и, чтобы скрыть как-то свою растерянность, шутливо стали восклицать: эге, дескать, неплохо, как видно, зарабатывают шахтеры!

– Да нет, – сказал Володя. – Похвастаться особенно-то нечем. Жить, разумеется, можно, но бывали времена, когда и побольше зарабатывали.

– Ну, значит, снабжение в глубинке усиленное? – спросили его.

– Снабжение теперь везде неплохое, – пожал плечами Володя. – Как-никак легкая промышленность за последние годы здорово вперед шагнула. Больше товаров стало поступать в торгово-проводящую сеть. Сфера обслуживания расширилась со столько-то до столько-то процентов... Я вот, например, в городе давно не был, а вчера прошел по улицам, посмотрел на людей – прямо душа радуется. Про женщин даже говорить нечего – сплошь во французских сапожках щеголяют, любая разодета что твоя продавщица. Но и мужчины тоже не отстают. Я, знаете, специально посчитал: каждый третий – в ондатровой шапке, каждый пятый – в дубленке. Где и когда это видано было?..

Тут гости окончательно сомлели от робости. Но один наш приятель, раньше других оправившийся, осмелился все-таки прервать Володю.

– Простите меня, Володя, за резкость, – сказал он, – но только вы напрасно затеяли этот экономический ликбез. Мы здесь тоже немножко с глазами. И газеты иногда читаем. Так что увеличение числа дубленок от нас, поверьте, не ускользнуло. Равно как и французских сапожек. Я вам больше скажу. Зайдите в любой дом, исключая, конечно, этот и ему по-

добные, — особенно в праздник. Посмотрите, что у людей на столе. И балычок там увидите, и шашлычок из отборного мяса, и крабов, и прочие деликатесы. Но вот откуда все это? Ведь в торгово-проводящей сети, как вы изволили выразиться, ничего подобного днем с огнем не сыщешь. Ну ладно, когда во всем городе пять дубленок насчитывалось, можно было предположить, что эти люди за границей побывали или в Москве, в комиссионке по случаю приобрели. Но теперь-то, теперь! Согласитесь: пока что каждый пятый за границу не ездит... Воруют? Быть этого не может. Наоборот, преступность у нас, как известно, непрерывно сокращается и скоро совсем будет ликвидирована... Нет, это просто уму непостижимо! Мистика какая-то. Парадокс. И при чем здесь, извините, расширение сферы обслуживания?

— Да вы что, серьезно? — спросил тогда Володя и обвел всех присутствующих недоумевающим взглядом. — Ну, товарищи... Удивляюсь я на вас. Образованные люди, живете в большом городе, научный центр у вас под боком... А такой простой задачки решить не можете... Ну-ка, вооружитесь карандашами! Я вам ее объясню.

Мы вооружились карандашами. Володя тоже взял себе один.

— Так, — сказал он. — Вашей статистики я, конечно, не знаю, покажу на примере своей. Кстати, и цифры будут не такие астрономические — легче считать... Ну вот, смотрите сюда. Населения у нас в поселке две тысячи человек. Уберем

отсюда детей – им пока французские сапожки ни к чему. Это примерно три пятых, или тысяча двести штук – у нас рождаемость значительно выше, чем в городе, эта самая установка на одного ребенка не привилась еще, слава богу. Остается, значит, восемьсот человек взрослого населения – так? Пойдем дальше. Три-четыре года назад на весь поселок был один магазинчик. Работала в нем Фрося Строева. Значит, у Фроси своя семья была из пяти человек, два женатых брата в поселке жили, свекровь, у свекрови – дочь замужняя, у мужа дочери – два родных брата и один двоюродный. Учтем сюда Фросиных соседей Копытовых, Мякишевых, Забейворота, фельдшера Зою Петровну – она Фросиной свекрови радикулит лечит – плюс подружек двух-трех с ихней родней... Короче, запишите себе пока округленно цифру шестьдесят. То есть шестьдесят человек из всего поселка могли получить в то время условные французские сапоги – обозначим так разные неповседневные товары... А теперь у нас что? – Володя снова зачиркал карандашом. – Теперь у нас четыре магазина, причем один из них универсального типа, на три рабочих места. Ну, Киру Зверькову из железнодорожного пока отбросим – она недавно к нам приехала после торгового училища, у нее ни родственников, ни близких знакомых. Остается, значит, пять продавцов. Плюсуем сюда одного завбазой, двух экспедиторов и двух грузчиков. Итого – десять человек. Эти – все местные, с детства в поселке живут. Ну, теперь арифметика простая: множим шестьдесят на десять –

получаем шестьсот человек, или семьдесят пять процентов охвата взрослого населения условными французскими сапогами, как договорились.

Володя бросил карандаш, поднял глаза к потолку, подумал секунду и сказал:

– Так оно примерно и получается. Поголовно никто, конечно, не пересчитывал, но, на взгляд, процентов семьдесят – семьдесят пять охвачено... А вы говорите, при чем тут расширение.

Наступило молчание.

Потом возражавший Володе гость осторожно спросил:

– Скажите, Володя... а это все, – он кивнул на украсившие стол подарки, – тоже результат охвата?

– Это – нет, – скромно сказал Володя. – Видите ли, мы там, группа, ну... управленческих товарищей, пока все у Киры Зверьковой покупаем. Просто так. Свободно, то есть. Но думаем, это не выход. Она, поговаривают, замуж собралась. И в очень, знаете, разветвленную семью... Так что сейчас руководство шахтоуправления и поссовет обратились с ходатайством в областные организации, чтобы нам в поселке разрешили еще две торговые точки открыть...

Ненормальный

Посетитель вышел от моего начальника и, что-то мурлыча себе под нос, стал надевать плащ. Видимо, визит его был приятный, потому что он великодушно сказал:

– А ведь я вас где-то встречал. Только вот где – не помню.

– Как же, – ответил я. – Встречали, встречали. Не то чтобы вы меня, а правильнее будет сказать – я вас. Даже фамилию вашу помню. – Я назвал фамилию.

– Верно, – польщенно улыбнулся он. – Тот самый. Так где же это было? Напомните.

– А вы нам одно время читали ужасно глупые лекции, – сказал я.

– Не может быть, – смешался он.

– Да как же не может! – запротестовал я. – Там еще, помню, была такая нелепая фраза. – И я привел фразу.

– Странно, – пробормотал посетитель. – Мне раньше никто ничего подобного не говорил.

– А вот это действительно странно, – согласился я. – Ведь я не один вас слушал. Со мной рядом обычно сидел... – Я назвал фамилию. – Он теперь занимает... – Я назвал должность.

– Да-да, – сказал посетитель, невольно подтягиваясь. – Знаю Кирилла Трофимовича. Блестящая карьера...

– Вот-вот! – обрадовался я. – Он, между прочим, на ваших

лекциях всегда спал. С открытыми глазами. Это у него такая студенческая привычка была.

— Однако... — взялся за подбородок посетитель. — Вчера к себе вызывал — хоть бы одно слово... об этом...

— А деликатный человек, — заметил я. — Да вы не переживайте — еще скажут.

— Не думаю, — сухо сказал посетитель и вышел.

После обеда мне позвонил Кирилл.

— Ты чего это наплел Фукушанскому? — недовольным голосом спросил он.

— Ничего такого я ему не наплел, — ответил я. — Сам привязался: где да где он меня встречал. Ну я и напомнил... Между прочим, и про твоё отношение сообщил.

Кирилл аж застонал в трубку.

— Ты представляешь, что натворил?! Мы его сейчас назначаем председателем комиссии по борьбе... А после твоего безобразного поступка что прикажешь делать?

— Господи, Кирия! — сказал я. — Как это что делать? Не значать — и все! Зачем его в председатели, такого дурака?!

— Тебя не спросили! — рассердился Кирилл и положил трубку.

Спустя ещё некоторое время позвонил Игнат Платонович.

— Как же это вы себя ведете, дорогой товарищ? — спросил он.

— А как я себя веду? — сказал я. — Как обычно.

— Значит, обычно так ведете? Ясно... Докатились!

И наконец раздался звонок от самого Льва Федоровича.

– Кто? – брезгливо спросил он. – Ага... это что же, тот самый?

И дальше разговаривать не стал. Велел пригласить моего начальника.

– Понимаю... Понимаю... Понимаю... Понимаю! – четыре раза повторил в трубку начальник, метнув в меня соответствующее количество нокаутирующих взглядов.

К вечеру в коридоре вывесили приказ: «...Старшего инспектора Маточкина уволить по сокращению штатов».

Возле приказа столпились сотрудники.

– За что это увольняют беднягу Маточкина? – спросил один.

– Да он выбухал этому дураку Фукушанскому, что тот дурак, – пояснил другой.

– Вот кретин! – сказал первый.

Рассказ о попытке написать объективный рассказ

Началось все с того, что меня покритиковали. Неодобрительно отозвались о моем творчестве. И не кто-нибудь – читатели. Правда, не целый читательский коллектив, районное, допустим, общество книголюбов, а только одна дама. Но тем не менее...

Дело было на литературном вечере. Уже по окончании его, как водится, мы с еще двумя коллегами автографы давали. Сидим за столом, носы уткнули и строчим. А читатели вокруг толпятся. Кому повезло – перед нами позицию захватил, кому не повезло – тот сзади, через плечи книжки протягивает. Мы сидим, работаем в поте лица. Иногда собственные наши книжки попадают, а больше подкладывают разных нечленов Союза писателей – Тургенева, Толстого, Чехова. Протягивают также открытки, школьные тетрадки, календарные листочки. Головы поднять некогда.

И в такой напряженной обстановке вдруг слышу за спиной шепот. Какая-то женщина советует своей подружке: «Ты вот у этого, у этого автограф попроси!» – и называет мою фамилию. А подружка, ничуть не стесняясь, довольно громко ей отвечает: «Да ну его! Не люблю. Назидательный он очень. Все учит и учит: как улицу переходить, с какого конца рыбу чистить, что черным считать, а что белым... Как будто

мы дальтоники. Или дети малые. Теперь так немодно писать. Надо б о́льшую свободу предоставлять читателю. Объективную картину мира создавать. Возьми, например, Габриэля Маркеса...»

Очень меня это нечаянно подслушанное мнение кольнуло. Уязвило прямо-таки. Настолько, что, придя домой, я взялся свои прежние вещи перечитывать. Гляжу – и точно: что ни рассказ, статья, повесть – то мораль, призыв, назидание, тыканье носом. Местами, слава богу, хоть закамуфлированное, а местами – словно в меня какой бес вселился – проу напролом, как бульдозер.

– Да что же это такое? – всполошился я. – Ведь действительно замшел! Задубел, корой оброс. И сам не заметил как.

И решил я попробовать написать что-нибудь в современном стиле, объективное. Рассказ или повесть. Возьму, думаю, двух героев. Расставлю их, как благородных дуэлянтов, друг против друга. У каждого своя правда, внешне привлекательная. За которую я лично – молчок. И про то, кто мне лично более симпатичен, – тоже ни гу-гу. Ни малейшего намека. Пусть читатель голову ломает. Пусть ум вострит.

А еще лучше – возьму не двух героев, а героя и героиню. И так подам, чтоб непонятно было: любят они друг друга или ненавидят. Или – и то и другое вместе. Условие относительно двух одинаково привлекательных правд, само собой, оставлю.

То же самое и с описаниями разными – с пейзажами, с

интерьерами: полная нейтральность.

Ну, приступил к работе. С героя начал. С пробуждения его.

«Как обычно, Иконников проснулся за пять минут до звонка будильника. За окном было серое утро. Редкие капли дождя сбегали по стеклу, оставляя извилистые дорожки...»

Так, хорошо! Гладко!

Дальше я умыл Иконникова, побрил, причесал, галстук ему перед зеркалом повязал, напоил черным кофе и вывел на улицу.

«Дождик все еще продолжал накрапывать. Затем полил сильнее. Иконников, сокращая путь, свернул под арку новой девятиэтажки. Шаги его гулко отдались под ее пустынными сводами...»

Затем я провел героя вдоль городского сквера. Сквер не был огорожен, деревья стояли вплотную к тротуару, и герой, спасаясь от дождя, какое-то расстояние прошел под их сенью. Под одним, особенно развесистым, Иконников даже постоял несколько минут в надежде, что дождь поутихнет.

Дождь, однако, не редел, Иконников, подняв воротник плаща, пересек быстрым шагом мокрый проспект и нырнул в только что открывшийся магазин. Здесь он купил пачку сигарет «Космос», вышел в тесный тамбур и закурил, с удовольствием вдыхая табачный дым.

«...На застекленной двери магазина дождевые капли оставляли уже не извилистый след, а косой и стремитель-

ный...»

Ишь ведь как могу, а!

Я собрался было уже повести героя дальше, но тут во мне что-то забуксовало...

Ну, побрился он – не порезался. Отлично!.. Зубная паста в тюбике оказалась не засохшей. Горячая вода в нужный момент течь не перестала – ладно, случается. Лифт работал, как часики. Ох, что-то уже совсем благополучно! А как он у меня девятиэтажку миновал? «Шаги его гулко отозвались под ее пустынными сводами...»

Ну и что? Отозвались – и что дальше? Старушка на четвертом этаже, страдающая бессонницей, встрепенулась? Померещилось ей, будто покойный дед с ночного дежурства возвращается?.. Цветочный горшок от содрогания с балкона свалился?.. Или – как со мной однажды случилось – колесо водосточной трубы оторвалось? Хорошо, я тогда не успел из-под арки вышагнуть. Оно в полутора метрах передо мной грохнулось. Весь дом переполошило. Люди на балконы выскакивали, в чем были. Подумали, наверное, что два троллейбуса столкнулись...

А мимо сквера, мимо сквера как он шел! Да разве можно мимо нашего сквера вот так индифферентно пройти и ни о чем не вспомнить? Это ведь живая история! Грандиозная эпопея многолетней титанической борьбы!

У нас лет десять назад такая полоса прошла: начальники управления благоустройства часто менялись. Сначала, пом-

нится, Мурин командовал, потом – Шурин, за ним – Гурин, а после – Вырин. Фамилии, как на подбор, созвучные, а индивидуальности резко противоположные, полярные.

Мурин не огороженный тогда сквер обнес чугунной решеткой. Хотел создать подобие Летнего сада. Он сам в Ленинграде вырос, его ностальгия по чугунным решеткам съедала.

Наследник его, Шурин, решетку снес как излишество. Чугун увезли на городскую свалку, а сквер огородили забором из фигурного железобетона. По индивидуальному проекту делали забор в городе Красноярске. Хотели, чтобы на века: опорные столбы на два метра в землю закапывали.

Товарищ Гурин раньше зоопарком руководил и был убежденным сторонником вольер. Забор поэтому сломали. Могучие фигурные секции долбили отбойными молотками, столбы опорные экскаватором выдергивали. А сквер обнесли легкой металлической сеткой. Но, во-первых, забыли сделать входы и выходы, а во-вторых, металл оказался неводостойким, сетка начала ржаветь – и сменивший Гурина товарищ Вырин сдал ее в металлолом.

Вечерняя газета все эти перемены отмечала обязательным репортажем. Назывались репортажи одинаково: «Чтобы город стал краше!» У меня до сих пор вырезки хранятся.

Должен был Иконников про это вспомнить. Непременно. Он ведь в те годы еще не старшим научным сотрудником был, а прорабом служил в управлении благоустройства. Лич-

но железобетон долбил.

И вообще, подумал я, что-то он, герой мой, вроде как не торопится. То под деревцем постоит, то в тамбуре магазина сигаретку выкурит. Ах да! Вот же в чем дело: он специально время тянет! Ему сегодня опоздать надо. Из принципа.

Ровно на одну минуту – ни больше ни меньше. Чтобы эта мегера сухопарая, Стелла Борисовна, опять на часики миниатюрные посмотрела. Пусть полюбуется! А если она еще свою змеиную фразу произнесет: «Вы, Иконников, заблуждаетесь, полагая, что точность – вежливость только королей», – тут уж он заявление на стол и выложит. Он давно его в кармане носит. Сколько можно терпеть? Как будто талант минутами измеряется. Подумаешь, назначили завлабом... толкушку остроганную. Хронометром бы ей работать, а не завлабом. Маятником. Сидит за столом и сосредоточенно раскачивается, как тренер сборной по футболу Лобановский. Да хоть закачайся ты! Все равно: курица – не птица, баба – не кандидат.

Тут я отложил ручку. Поймал себя вдруг на зреющей неприязни к герою. Хотя такой конфликт – то ли ненависть, то ли неосознанная любовь между главными персонажами – в моем изначальном проекте был заложен. Но одно дело – проект, а другое – живой герой: умытый, побритый, кофе напившийся, начавший с утра самостоятельную жизнь. «Ай-ай-ай, друг Иконников! – покачал головой я. – Что-то, когда ты чугун на свалку увозил, заявлением не размахивал. И ко-

гда полумиллионный забор из железобетона на щебенку перерабатывал в сверхурочные часы, тоже в позу не становился... Тебе тогда, друг любезный, квартира нужна была, ты жилплощадь зарабатывал. А теперь квартира у тебя есть. И кандидатскую ты защитил – пусть и в сорок с хвостиком. И в соседний НИИ тебя давно переманивают...»

Почувствовал я, словом: не вытанцовывается у меня пока с героем. Потрескивает моя объективность – вот-вот на пристрастность сорвусь.

Ладно, думаю, не буду его до решительных действий доводить. Пусть покурит. А я тем временем начну с другого конца – с героини. Как в классических романах.

И начал с другого конца.

«Стелла Борисовна проснулась рано и сразу вспомнила, что утро ей сегодня предстоит напряженное. До работы надо успеть заскочить в магазин, купить свежего молочка для внучки и еще отвезти молочко аж на Синеозерский жилмассив, с двумя пересадками. Дочь заболела, значит, крутись, бабуля!»

Написал я первый абзац и споткнулся: как, она у тебя бабушка разве? А это самое... то ли ненависть, то ли чувство между героями? Не вяжется вроде. Но потом решил: а пусть бабушка! Молодая бабушка, лет тридцати восьми. Теперь таких много. Дедушки, разумеется, нет. Погиб дедушка в геологической экспедиции, на Подкаменной Тунгуске. Медведь его задрал. Давно уже. А раз так – герой тоже зрелый мужчи-

на. Да он у меня уже и наметился зрелым. Так даже интереснее: двое взрослых, самостоятельных людей, не молокососы какие-нибудь, не Ромео и Джульетта.

Ну-с, дальше.

«Стелла Борисовна заказала такси. Диспетчер невыспавшимся голосом ответила: “В течение сорока минут”. Стелла Борисовна заметалась: из кухни – в ванную, из ванной – к включенному утюгу. Она кофточку гладила. Каждый день надевала свежую – не позволяла себе распускаться...»

Значит, мечется она у меня и переживает: вдруг опоздает водитель? У них ведь задержка до пятнадцати минут предусмотрена.

А таксист взял да и приехал раньше. Стелла Борисовна в окно машину увидела – стоит. А она еще не готова, еще – без юбки.

«Уедет! – испугалась Стелла Борисовна. – Постоит несколько минут и уедет. Подумает, что ложный вызов».

И чтобы подать сигнал водителю, она распахнула окно и кинула в машину картошечкой. Картошечка у нее лежала на подоконнике, вареная.

Водитель заполошно выскочил из машины, задрал голову.

Стелла Борисовна, свесившись из окна, замахала руками: здесь я, здесь!

Водитель кивнул. То есть он не кивнул, а плюнул в бешенстве и длинно выматерился сквозь зубы. Но Стелле Борисовне с шестого этажа показалось: кивнул.

Через пять минут Стелла Борисовна выпорхнула на улицу.

— А вот и я! — кокетливо улыбнулась из-под цветного зонтика. И — потухла.

Хмурый водитель протирал ветошью капот. Это надо же! — такая маленькая картошечка, а на весь капот расшлепнулась. Даже ветровому стеклу досталось.

— Извините, — пролепетала Стелла Борисовна.

— Да ладно уж, — буркнул водитель. — Спасибо, что не арбузом. А то в меня одна тетя как-то арбузом кинула, дак я полтора месяца в ремонте отстоял.

Они поехали.

Стелла Борисовна кусала губы, злилась на себя: «Дура! Не могла сообразить, что может наделать картошечка, брошенная с шестого этажа! А еще физик!»

Ей теперь неудобным казалось просить водителя остановиться возле магазина. Но пришлось попросить. Виноватым голосом она рассказала и про заболевшую дочку, и про внучку. А молока, если с утра не захватишь, потом — сами знаете...

— Сделаем, — сказал водитель, с любопытством глянув на Стеллу Борисовну в зеркальце: ишь ты, бабушка!

Водитель был человек в годах, Стелла Борисовна не показалась ему старой. Вполне еще молодая женщина, взволнованная и оттого красивая даже. И не дурында, видать, какая-нибудь: интеллигентное лицо, глаза умные. Хотя, конеч-

но, картошкой зафинтилила, додумалась.

– Так я на минутку, – сказала Стелла Борисовна возле магазина. Молоком в магазине торговать еще не начали, но уже стояла вдоль прилавка длинная очередь старушек с бидончиками. А молоко привезли бутылочное. Выкатил его из недр магазина небритый, угрюмый грузчик. Он толкал впереди себя пирамиду ящиков и вместо привычных слов «Посторонитесь, граждане!» выкрикивал какие-то зловещие угрозы: – Отойди!.. Бить буду!.. Рвать буду!..

Старушки кинулись врассыпную, вытолкнув на середину замешкавшуюся Стеллу Борисовну, – и злодей грузчик углом ящика с треском разодрал на ней импортный плащ. Даже и не подумал затормозить. Как обещал – так и сделал.

А потом Стелле Борисовне долго пришлось уговаривать продавщицу протянуть ей пару бутылочек через головы очередных, потому что старушки неторопливо, бережно переливали молоко в пузатые пластмассовые бидончики.

Вышла она к машине не через минуту, а через семь. Не вышла, собственно, – пулей вылетела.

Водитель, видя ее аварийное положение, порылся в «бардачке», нашел пару булавок.

– Может, зашпилитесь? – предложил.

– А! – дернула головой Стелла Борисовна. Она вдруг сделалась строгой, деловой. – Едем! Время не терпит.

Из плаща она ловко вывернулась уже в салоне, скомкав, упрятала его в сумочку.

Водитель покосился на стройную фигуру Стеллы Борисовны. Кашлянул:

– Нервная вы какая-то. Все торопитесь.

– Будешь тут торопиться, – невесело усмехнулась она.

– А вы, кстати, кем работаете? – спросил водитель. – Костюмчик на вас, гляжу... как на депутате горсовета.

– Нет. Я лабораторией заведу. В НИИ.

– О-о! Начальство! Так ведь начальство не опаздывает – задерживается.

– Мне нельзя, – сказала Стелла Борисовна. – У меня и так один завелся... борец за свободу творческой личности. И борется, и борется... Да если еще я начну.

– А насчет творчества как? Творит?

– Творит, – вздохнула она. – А потом за него перетворяешь.

– Ну и послали бы его к та... куда подальше.

Стелла Борисовна оживилась:

– Подальше бы хорошо! Только он сам уйдет. И поближе. Давно уже грозит. Заявление в кармане носит. – Она почувствовала вдруг расположение к этому покладистому дядьке. – Представляете: костюм другой надевает – заявление перекладывает. Как проездной билет – всегда при себе. – Она помолчала. – Но ведь он как уйдет, если ему хоть малую зацепку дать. Так дверью на прощанье шарахнет – косяки отвалятся.

– Бывают же такие! – возмутился таксист. – Еще и мужи-

ком называется. Сидит в конторе – протирает штаны.

– Штаны? – переспросила Стелла Борисовна. И повернулась к водителю. – Этот не протрет. Он, знаете... он! – Она, схватившись за голову, по-девчоночьи рассмеялась. Даже слезы на глазах выступили. – Ой, не могу!.. Он подушечку на стул подкладывает. Вышитую. Цветочками! Честное слово! Ему мама вышила... Ну почему цветочками-то? Почему?..

Я вскочил из-за стола.

Все!.. Пропал мой объективный рассказ! Сгорел!.. Дернуло же ее за язык! Убила она мне героя этой подушечкой. Уничтожила. В гнома превратила.

Я и рассердился на нее: ну, нельзя же так! Нечестно!

И тут же рассмеялся вместе с нею. Почему-то я уже не мог ей не верить – этой заполошной, нелепой, симпатичной женщине. Уже чувствовал я к ней влечение – «род недуга».

Какой уж тут, к черту, объективизм!

Я покурил, успокоился и, холодно осознав свой провал, свою полную неспособность к современному письму, решил оставить самодеятельность. Обратился к фольклору.

Считалку вспомнил детскую: «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой?»

Дальше там события развивались следующим образом: кто-то на вопрос «Кто ты такой?» отвечал, допустим, – «Царь». И немедленно слетал с крыльца.

Затем поочередно слетали царевич, королевич, сапожник, король... Оставался один – портной, к примеру. Но оставался не для того, чтобы сидеть на золотом крыльце и пряники кушать. Он водящим становился. Работать должен был: искать попрятавшихся царевичей-королевичей, чтобы кого-то из них вместо себя на золотое крыльцо посадить – то есть работать заставить.

И вот, если в игре какая-то логика существовала и даже, я бы сказал, переключка с реальной жизнью (хоть ты и царь, а вылезай-ка из кустов да принимайся за дело), то сама считалка еще в детстве меня очень смущала. Ну правда – как они там оказались-то, на одном золотом крыльце: и царь... и портной?

Может, эта считалка и была прообразом такой литературы, когда автор словно бы в кустах? Он, значит, в кустах, а эти сидят рядышком, чай, возможно, пьют, беседуют. Один скажет мысль – очень передовая! Другой ему возразит – тоже крыть нечем.

Автор же из кустов читателям машет: ну-ка, ближе, ребята, ближе! Ну-ка вот, послушайте. А, каково? Мозгуйте, ребята, мозгуйте.

А по-моему, ни черта они там не усидят – перегрызутся. Кто-то кого-то да начнет спихивать. А если замешкаются, я лично всегда готов на помощь прийти – тому, кто мне симпатичнее.

Так что извините, товарищи.

Немножко выдумки

Три прекрасных витязя

– Нервное переутомление, – определил врач и прописал мне ежевечерние полтора часовые прогулки перед сном.

Я представил себе нашу Вторую Глиноземную в эту пору: темные подворотни, забор с проломами вокруг новостройки, фонари, расположенные друг от друга на расстоянии полета стрелы, – и мне стало тоскливо.

– Доктор, – робко сказал я. – А днем нельзя?

– Почему нельзя, – ответил доктор. – Можно и днем. Даже нужно. Пешком на работу, пешком с работы – если не очень далеко... Но перед сном – обязательно...

Вечером, провожая меня на первую прогулку, жена сказала:

– По тротуару не ходи. И от заборов держись подальше. Лучше иди серединой улицы.

– Учи ученого, – буркнул я.

– Закуривать ни с кем не останавливайся, – продолжала жена. – Знаешь эти их приемчики: сначала – дай закурить, а потом – раздевайся. – Она задумалась, припоминая что-то. – Я после войны сразу с одним парнем дружила...

– Ну? – сказал я.

– У него пистолет был – отец с фронта привез. Правда, не стрелял – что-то там заржавело, – но помогал здорово. Подойдет к нему ночью какой-нибудь тип прикурить, а он свою папироску в ствол вставит и протягивает. Представляешь?

– Угу, – хмыкнул я. – Вот и выходила бы за этого ковбоя.

– Тебе все шуточки! – обиделась жена.

– Какие, к черту, шуточки! – мрачно сказал я, запихивая в карман гаечный ключ. – Шуточки...

На улице было темно и пустынно. Хотя кое-какая жизнь и пульсировала, судя по доносившимся звукам. Звуки эти, однако, были неутешительные. Возле забора стройки кто-то со скрипом выворачивал доску. Неизвестно, для какой цели. Может, вооружался. Где-то впереди противными голосами пели неразборчивую песню с леденящим душу припевом: «Стра-а-ашно, аж жуть!»

Я шел серединой дороги, от фонаря до фонаря. Самые темные отрезки перебегал рысью, хватаясь за бухающее сердце.

...Бандит вышел из-за угла пивного ларька. Здоровенный детина с квадратными плечами.

– Эй, гражданин! – хриплым голосом сказал он. – Прикурить не найдется?

«Вот оно!» – ахнул я, и правая рука мгновенно онемела.

Теперь, если бы даже у меня был не гаечный ключ, а пистолет, как у того жениного ухажера, я бы не смог им воспользоваться.

Левой рукой я кое-как вытащил зажигалку и начал безуспешно щелкать ею – рука позорно дрожала, огонь не высекался.

– Что ты трясешься, будто кур воровал, – неодобрительно сказал детина. – Дай-ка сюда.

Он отнял у меня зажигалку и с первой попытки добыл огонь.

И тут я увидел на рукаве у него красную повязку.

– Господи! – воскликнул я. – Так вы дружинник?! Я-то думал...

– А ты думал – мазурик, – усмехнулся он. – Правильно думал.

У меня подсеклись ноги.

– Правильно опасался, земляк, – пыхнул он сигареткой. – Здесь этой шпаны, как мусора. Запросто могут и раздеть, и ухайдакать.

Тут я окончательно убедился, что он не бандит, и правая рука сама собой оживела.

– Пусть попробуют, – храбро выпрямился я. – Пусть только сунутся. А вот этого они не нюхали? – И я показал ему гаечный ключ.

– Выбрось! – строго сказал он. – Приравняется к холодному оружию. Срок получишь.

– Извините, – хихикнул я. – Вы же дружинник. Не учел...

Дальше мы пошли вместе. Я больше не вздрагивал и не оглядывался. А чего мне было бояться рядом с дружинни-

ком?

– Ты, собственно, какого лешего по ночам блукаешь? – спросил он.

– Гуляю, – признался я. – По рекомендации врача. Полтора часика ежедневно. Перед сном.

– Врача! – остановился он. – Это какого же? Дмитрия Сергеевича?

– Точно. Откуда его знаете? Хотя, пардон, вы же дружинник. Все забываю...

– Вот что, – помявшись, сказал он. – Неудобно как-то. Вроде я тебя конвоирую. Еще подумает кто. – И он начал снимать повязку.

– Ни-ни-ни! – запротестовал я. – Выполняйте свое задание. Кому тут думать-то – нас всего двое.

– Тогда мы вот как сделаем. – Он все-таки снял повязку, которая в развернутом виде оказалась почти новой дамской косынкой, и разодрал ее на две части.

– Не заругает супруга? – спросил я, подставляя рукав.

– Не узнает, – подмигнул он. – Я незаметно ее слямзил, когда уходил на это... на дежурство.

Возле «забегаловки» к нам присоединился третий. Мы сначала приняли его за пьяного, но потом разобрались: гражданин этот просто оказался очень нервный. До предела издерганный. И страшно сердитый на медицину.

– Коновалы! – орал он, брызжа слюной. – Таблеток пожалели! Придумали лечение – гулять перед сном! По этому

Бродвею, да? Где за каждым углом по мокрушнику!!

Он успокоился лишь после того, как мы оторвали ему полосу красной материи и повязали на рукав.

...В половине двенадцатого мы задержали первого бандита. Он бежал от гнавшихся за ним милиционеров и вымахнул прямо на нас. Правда, командир наш успел сигануть в сторону и спрятаться за газетный киоск, но оказалось – поздно. Ворюга уже разглядел повязки, понял, что его окружили, и сдался.

Ради чего?

В одно прекрасное воскресное утро я понял, что жизнь мне осточертела. Доконали меня подвернувшиеся под руки спички. На этикетке усатый красавец с томными глазами нежно прислонялся к худосочной перепуганной девице и было написано: «Тихий Дон».

– Господи боже мой! – простонал я, хватаясь за голову. – Тоска зеленая!

Я побежал на кухню и, жестоко опалив брови, прикурил от электроплитки. После этого несколько успокоился и меланхолически подумал: «А жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг...» Я с холодным вниманием осмотрел свою комнату: вызывающий слабость под ложечкой циклопий глаз телевизора, портрет папы Хемингуэя на стене, керамическую абстрактную статуэтку индианки... И снова застонал.

Чего ради, собственно, начинался хотя бы сегодняшний чудный день? Ради уплаты по жировке, обязательной воскресной партии в шахматы с соседом-энтузиастом и стандартной вечеринки у Люси Паникоровской по случаю ее именин. Вечеринки – в квартире с телевизором, портретом Пастернака на стене, с абстрактной соломенной фигуркой танцующего шамана.

«Повешусь! – ясно, без содрогания подумал вдруг я. – Ну,

не буквально повешусь, потому что вешаться как-то не интеллигентно, а что-нибудь в этом роде... Вот только навещу ближайших друзей... в последний раз».

И я запрыгал на одной ноге, надевая брюки.

За дверью, когда я ее открыл, стоял идиотски сияющий сосед с шахматной доской в руках.

– Бур-бур-бур, – сказал я, толкнул его плечом и скатился по лестнице.

Какие теперь шахматы! Жировки, вечеринки! Зола все это!

Ближе всех от меня жил Миша Побойник. К нему первому я и завернул.

Побойник стоял возле аквариума и чайным ситечком пытался выловить какую-то рыбешку, состоящую из одного живота.

– Заболела, – озабоченно сказал Миша. – Ничего не жрет, понял?.. Вот пакость – опять унырнула! Ну-ка, свети сюда. – Он протянул мне карманный фонарик.

– погоди ты! – отмахнулся я. – Скажи мне лучше – зачем мы на свете живем?

Мишу очень заинтересовали мои слова. Он отложил ситечко, и глаза у него стали боязливо-веселые.

– Покупочка, да? – спросил он.

– Какая там покупочка. Я серьезно.

– Придуривайся, – сказал Миша. – Знаю, это розыгрыш такой. Я тебе скажу, а ты меня потом как-нибудь подденешь.

Точно?

– Ах, Миша! – сказал я. – Друг золотой! До розыгрыша ли мне. Может, последний раз видимся.

– Ну, артист! – восхитился Миша. – Вот артист!.. Только меня не купишь... Ну-ка, держи! – И он силой вставил мне в руку фонарик. – Свети в угол.

Я машинально посветил, и Миша с третьей попытки выудил рыбешку.

Рыбка лежала на дне ситечка бледная и недвижимая.

– Гм, – сказал Миша и ковырнул ее пальцем. – Ты чего-нибудь в рыбе понимаешь?

– В жареной, – нашел в себе силы сострить я.

– Черт его знает, что такое. – Миша почесал затылок. – Не жрет. Третий день. – Он бултыхнул рыбу обратно в аквариум. – Пойдем-ка лучше выпьем.

– Не могу, – сказал я. – Тороплюсь очень.

– Куда же ты торопишься? – слегка обиделся Миша.

– В этот... в 3-3-зоопарк! – бухнул я.

– Хо! – шлепнул ладонью по лбу Миша. – Там ведь рядом зоомагазин. Купишь мне дафний, а? – Он достал откуда-то из-под ремня сложенную в шестнадцать раз трешку.

– Это же много, – замаялся я. – Дал бы лучше мелочи.

– А у меня всегда трешками, – сказал Миша. – Удобно, знаешь.

...Я вышел от Побойника, вертя в руках злополучную трешку, и не представлял – что же с ней теперь делать. «Лад-

но, – вздохнул я наконец. – Не обедняет. В крайнем случае подкою к завещанию...»

К Лялькиным мне заходить не пришлось. Я их встретил на улице. Лялькин, обливаясь потом, катил на салазках большой зеркальный шифоньер, а Лялькина шла сбоку и поддерживала шифоньер двумя пальцами.

– Привет, – прохрипел Лялькин, сунув мне взмокшую ладонь. – Чего ж ты не поздравляешь нас с покупкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.